

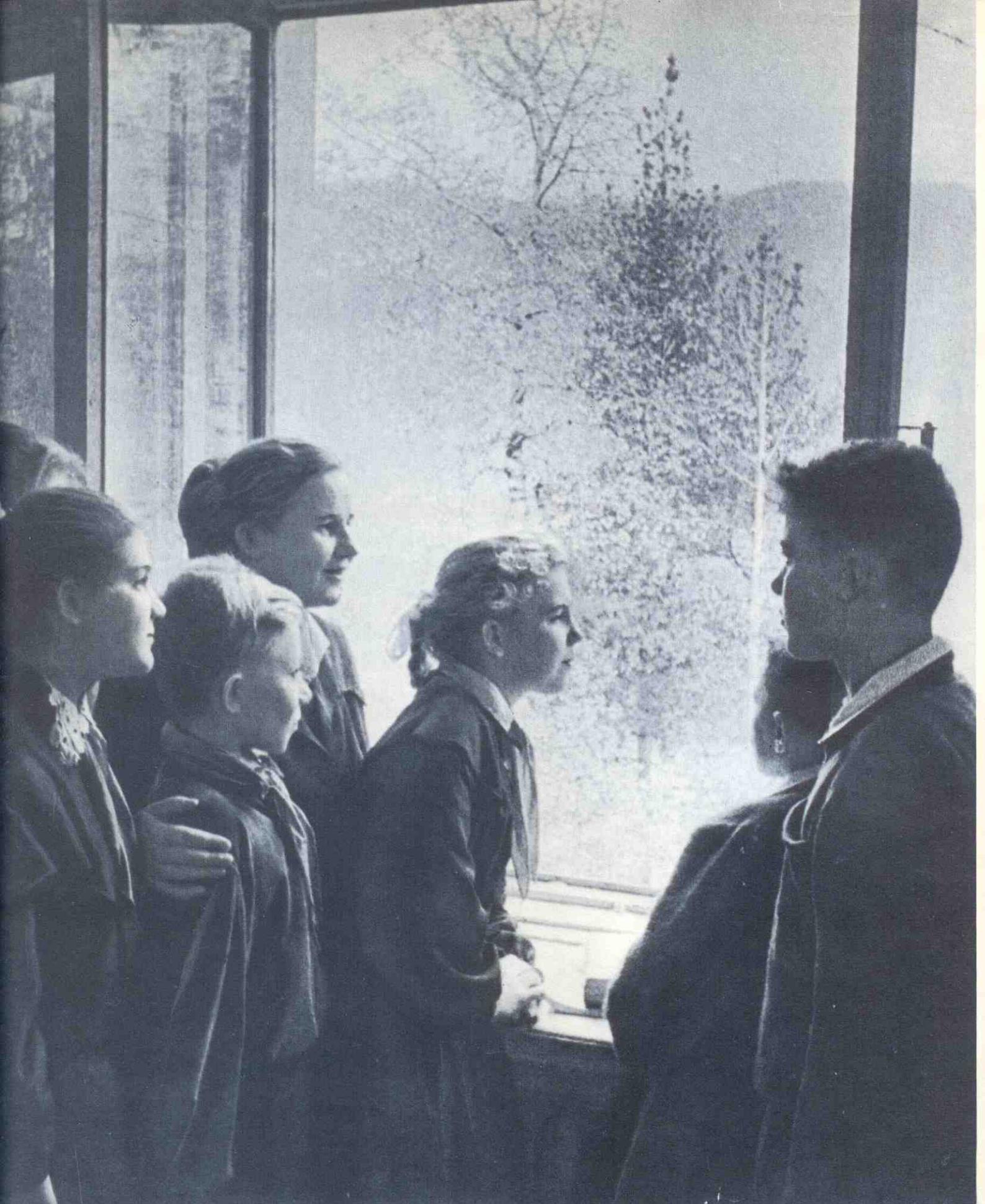

РАБОТНИЦА

МАЙ

1963

5

За окном могучий Енисей и юный город Дивногорск. Смотрят ребята в будущее, такое же светлое, как этот солнечный весенний день.

Фото А. Скурихина.

ГВАРДЕЙЦЫ, ВПЕРЕД!

Антонина КОСАРЕВА,
ткачиха фабрики «Шуйский проле-
тарий», депутат Верховного Совета
РСФСР

Из Москвы я уезжала поздно. Было это перед самым Маем, в тот день, когда столица торжественно встречала вождя героической Кубы — Фиделя Кастро. Говорят, под стук колес хорошо спится. Но сон не шел ко мне. И разве это удивительно — ведь позади столько волнующих событий, а впереди — столько дел!

Мне вторично пришлось участвовать во Всесоюзном совещании передовиков движения за коммунистический труд. Первый раз это было в мае 1960 года, когда движение только родилось. Теперь оно стало массовым. На второе совещание в конце апреля в Большом Кремлевском дворце собрались представители 23 миллионов советских людей: рабочих, колхозников, служащих, инженеров и техников — участников движения за коммунистический труд.

Это второе совещание началось необычно, на день раньше его официального открытия. Нас всех пригласили в Кремлевский Дворец съездов, и там мы услышали речь Никиты Сергеевича Хрущева, выступавшего перед участниками Всероссийского совещания по промышленности и строительству. Речь, как всегда, глубокую, острую и мудрую.

Тогда-то я и пережила незабываемые минуты. Никита Сергеевич назвал мою фамилию и обратился к текстильщикам всей страны с призывом поддержать инициативу по изысканию и использованию личных резервов.

Радостно сознавать, что скромный труд обыкновенной работницы получил такую высокую оценку родного правительства! Радостно не за себя, а за весь дружный коллектив нашей фабрики «Шуйский пролетарий», где много мастериц с «золотыми руками». Это оценка их благородного труда, постоянных творческих исканий.

На примере нашей фабрики видно, какое большое значение имеет соревнование за коммунистический труд, как это соревнование помогает людям работать все лучше и лучше. Сразу после ноябрьского Пленума ЦК КПСС ткачихи «Шуйского пролетария» стали искать новые резервы повышения производительности труда. Такие резервы есть у каждой работницы. Правда, некоторые говорили, что все уже использовано: станки работают почти целые сутки без остановки, оборудование модернизировано, у ткачих на учете буквально каждая минута. А пригляделись, прикинули и нашли новые резервы. Я, например,

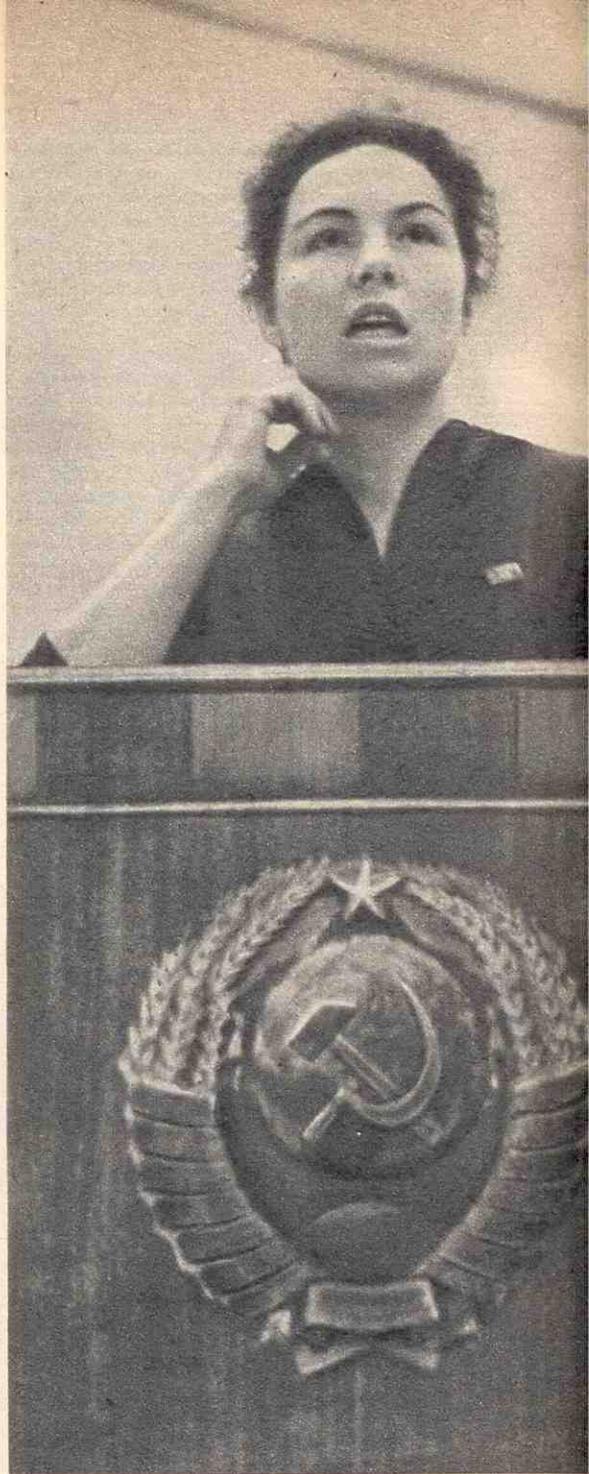
подсчитала, что смогу поднять производительность своих четырех станков на 2,5 процента. Сократила обрывность нитей, научилась еще быстрее устранять обрыв нитей основы. Раньше мои станки работали с разной скоростью. Я добилась, чтобы все они давали по 240 оборотов в минуту. Думаю, что все это позволит мне выработать сверх годового плана 4 тысячи метров ткани.

И очень важно, что нас, ткачих, поддерживали мастера и их помощники, техники, инженеры. Они занялись улучшением технологии, организации труда, технического состояния оборудования.

Но много говорить о том, что уже сделано, не хочется. Сейчас надо думать о будущем, о том, чтобы завтра работать лучше, чем сегодня. Именно для этого и собрались передовики движения за коммунистический труд в Большом Кремлевском дворце. Мы сообща обсуждали, как сделать это движение еще более мощным, широким и глубоким. Всем запомнились слова Надежды Григорьевны Заглады: «Давайте подумаем, почему у нас один работает хорошо, душу в свой труд вкладывает, а другой — вполсилы».

В самом деле, каждый из нас не имеет права успокаиваться тем, что он сам хорошо работает, если его сосед с трудом выполняет, а то и совсем не дотягивает до нормы. Надо же ему помочь, передать свой опыт, а иного следует (бывают и такие) пристыдить, пробудить в нем рабочую совесть.

Всех нас беспокоит, что в организации соревнования за коммунистический труд бывают еще формализм, а порой и очковтирательство. Случается, торопятся с присвоением звания ударников и коллективов коммунистического труда,

Антонина Косарева на трибуне Всесоюзного совещания передовиков движения за коммунистический труд.

Фото Н. Маторина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

5

М А Й
1963

Общественно-политический и литературно-художественный журнал
ОСНОВАН 8 МАРТА 1914 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

дают его людям и даже бригадам, которые просто еще не доросли до него.

А ведь цели нашего движения — это и борьба за высокопроизводительный труд и воспитание нового человека, для которого моральный кодекс строителя коммунизма стал нормой поведения. Такой человек не может быть только хорошим исполнителем порученного дела. Он трудится творчески, помогает товарищам, ничем не запятыает своей рабочей чести. Его уважают люди за моральную чистоту, за справедливость и прямоту.

Вот такие замечательные люди были в зале Кремлевского дворца. Как мы все, участники совещания, радовались, слушая выступление Инобат Ахуновой!

Все хорошо знают имя Героя Социалистического Труда Турсуной Ахуновой, по призыву которой женщины-узбечки стали овладевать специальностью сельских механизаторов. Ее младшая сестра Инобат поехала вместе с комсомольцами из родного колхоза под Ташкентом в Голодную степь, чтобы превратить эти пустынные места в «гулистан» — цветущую землю. Трудно пришлось парням и девушкам, но они добились своего — совхоз, где работает младшая Ахунова, освоил новые земли. Инобат сначала была трактористкой, а теперь стала руководителем комсомольско-молодежной хлопководческой бригады. Ее бригада первая в совхозе завоевала звание коллектива коммунистического труда. Сейчас в бригаде вместо 18 человек осталось 10, а площадь посевов не сократилась.

Далеко от Голодной степи, в Шуге, живет комсомолка Соня Захарова, которая никогда не встречалась с Инобат Ахуновой. Они незнакомы, но как похожи друг на друга, похожи, конечно, характерами.

Соню у нас в шутку называют «космическим кораблем». Работает она очень проворно. Недавно Соня и еще десять комсомольцев перешли на отстающий участок в другой цех. Теперь в этом цехе установился «комсомольский климат» — обстановка творческих исканий. Соня и ее товарищи помогли найти неиспользованные резервы. Выпуск тканей в цехе возрос на два процента. Комсомольцы пошли дальше — выступили инициаторами добровольного переосмотра норм. В результате рабочие ткацкого производства предложили увеличить нормы на три процента.

Инобат Ахунова и Соня Захарова, тысячи и миллионы их товарищей по труду, советских людей всех поколений — вот кто сегодня идет в первых рядах строителей коммунизма. И нас, работников, особенно радует, что среди участников движения за коммунистический труд так много женщин и девушек.

В последний день совещания нам всем вручили медали «За трудовую доблесть». Мы, конечно, гордимся этой высокой наградой. И в то же время понимаем, что теперь должны работать еще лучше.

Никита Сергеевич Хрущев назвал участников движения за коммунистический труд настоящей гвардией строителей коммунизма. Как в годы войны, когда гвардейские части находились в первых эшелонах армии, так и сейчас гвардейцы мирного фронта идут впереди.

Н. А. Кирсанова. Герой Социалистического Труда, учительница 24-й школы Ленинграда, со своими учениками.

Фото Б. Столярова.

У Нины Александровны Кирсановой есть правила, от которых она не отступает никогда. Какая бы ни была погода — осенняя слякоть, зимний мороз или погожий весенний день, — ровно без четверти восемь входит учительница в свою школу. Нина Александровна любит этот час до начала уроков, простор чистых классов, торжественную тишину, которую вот-вот сменит движение, веселый гомон ребячьих голосов. Этот неуловимый час, как и прогулки по скверу с учениками после уроков, значат куда больше, чем специальный «воспитательский» час.

Как-то молодежная газета напечатала интересную анкету: что взять с собой в космос, и марсианам, какую книгу, какой фильм, какую скульптуру, какое научное открытие? Разумеется, Нина Александровна не преминула принести этот номер с анкетой в свой седьмой класс. Что ребята предпочли бы взять с собой: «Чапаева» или «Балладу о солдате»? Ленинградскую симфонию Шостаковича или рапсодию Листа? А может быть, песню? Какие произведения искусства все-таки нужнее нам в трудный час? И вот уже разгорается спор. Ребята дорожат этими душевными беседами с учительницей, человеком с широкой эрудицией и большим жизненным опытом.

Здесь, в той же 24-й школе, в блокадную зиму 1941—1942 года вела Нина Александровна занятия с несколькими десятиклассниками. Источенные, едва передвигавшие ноги ребята и их учительница по шесть часов в день занимались математикой, чтобы нагнать упущенное. И какая же нужна была энергия, сколько душевных сил, чтобы успешно закончить, быть может, самый трудный в человеческой истории учебный год! Из школы мальчики уходили на фронт, девочки — на курсы медицинских сестер...

Часто удивляются, каким образом уже многие годы добивается Кирсанова полной успеваемости по математике. Опытный педагог, в совершенстве изучивший свой предмет, она все же серьезнейшим образом готовится к каждому уроку. Нина Александровна ни разу не пришла в класс без ясного, во всех тонкостях представления о том, каким будет этот предстоящий урок.

Ученица, которой трудно дается математика, получила двойку. Девочка очень расстроилась. Нина Александровна задает ей на другой день вопрос полегче: пусть девочка не теряет уверенности в своих силах. Надо поддержать и спо-

ЭСТАФЕТА БЛАГОРОДСТВА

собного ученика, неудачно ответившего на прошлом уроке. Но ему она даст трудную задачу.

Порой приходится приостанавливаться, подбадривать отстающего. Ведь с той минуты, как у человека начинает напливаться непонятное, появляются и растерянность, и досада, и страх. А их, бывает, сменяет безразличие: двойка за двойной, второгодничество — и, глядишь, бросил подросток школу... Нина Александровна считает, что в таких случаях виновата прежде всего школа.

На уроках Кирсановой не увидишь ни одного апатичного или скучающего лица. Сосредоточенное внимание. Она любит, когда ученики предлагают свои решения, когда каждый из ребят, следуя за ходом ее мыслей, напряженно думает сам.

В классах Кирсановой не бывает дополнительных занятий: она не терпит «заплаток». Учительница глубоко убеждена, что все ученики могут усвоить школьный курс математики на уроках.

Нина Александровна помогает ребятам не только изучать теоремы и уравнения, но и воспитывает у них волю, настойчивость, дисциплину, разжигает в их душе огонек творчества.

«Вы дали нам прочные знания, — пишет ей бывший ученик, а теперь историк Б. Домнич. — Представьте, я до сих пор помню многие формулы. Вы приучили нас к работе надеяться прежде всего на свои силы и способности. Самый последний лентяй не смел пользоваться шпаргалкой. Спасибо! Вы учили нас последовательности, логике в мышлении, осмотрительности и основательности в выводах, по-

стоянной самокритике и вместе с тем уверенности в себе. Вы приучили нас к аккуратности в работе и в быту, развили в нас трудолюбие, работоспособность, научили своим примером выдержке и долгу. Все это выходит за пределы математики. Но во имя этого вы обучали и воспитывали нас!»

Большое счастье получить от людей такие письма!

Нина Александровна сохраняет дружеские связи со многими своими учениками, следит за их судьбами. И, наверное, для экономиста Ивана Сыроежина поздравительная телеграмма от бывшей учительницы в день защиты диссертации она жется не меньшей радостью, чем для нее письма прежних ее учеников. Нина Александровна гордится успехами своих воспитанников.

Шестнадцать лет подряд Нина Александровна — депутат трудящихся Васильевского острова в городском Совете. Ее знают как человека чуткого, настойчивого, справедливого. Каними только вопросы не приходится ей заниматься! Ассальтирование улиц, строительство новой школы, проверка преподавания в педагогических училищах, дела жилищные и семейные.

Ее труд получил высокую народную оценку: в 1960 году заслуженной учительнице РСФСР Нине Александровне Кирсановой присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Нина Александровна — настоящая учитель. Учитель не только по должности, но и по благородному душевному призванию.

И. РУНОВА

Ленинград.

19 000 вместо 5 700

Строительству детских учреждений у нас уделяется много внимания. Но все-таки их пока не хватает. Свердловская промышленная партийная организация и облсполком решили прийти на помощь матерям-работницам.

Мы разработали трехлетнюю программу строительства детских яслей и садов, выполнение которой полностью удовлетворит нужду в этих учреждениях. О ее размахе свидетельствуют такие цифры: в нынешнем году наша область по государственному плану должна ввести в строй детские учреждения на 5 700 мест, но, тщательно взвесив свои возможности, мы решили построить учреждений на 19 тысяч мест, причем без дополнительных государственных ассигнований.

Такие серьезные планы, естественно, не могут быть осуществлены без активного участия общественности. Средства мы изыскиваем из различных источников: и за счет экономии в жилищном строительстве и из фондов промышленных предприятий, а также за счет отчислений от сверхплановых прибылей. Собрав все средства воедино, мы можем применить их с наибольшей пользой.

Решив финансовые вопросы, столкнулись с новой сложной проблемой. Раньше все проектирование детских учреждений выполнял институт «Свердблпроект». Но намеченный объем работ ему одному явно не по силам. На помощь пришли все проектные организации области. «Гипротяжмаш», «Гипротранс», «Унипромедь» и другие, не прекращая основной работы, подготовили техническую документацию на новые дома для малышей. За основу были приняты типовые проекты комбинатов, объединяющих ясли и сад.

Сейчас площадки для застройки выбраны, наступил важный этап — строительство. Активно участвуют в нем коллективы Уралмаша, Уральского турбомоторного завода, Нижне-Тагильского, Серовского металлургических комбинатов и многих других. Строительство ведется с большой помощью производственных коллективов. Рабочие понимают, что они строят для себя, облегчают жизнь трудящихся женщин, приносят радость малышам. На первые воскресники пришло много людей. Серьезную помощь оказывают комсомол и профсоюз.

Мы знаем, что задача, которую поставили перед собой, весьма нелегкая. Однако общими усилиями рабочие и работницы индустриального Среднего Урала справятся с этим благородным делом.

К. ЗАМИРЯКИН,
председатель Свердловского промышленного облсполкома

строительству новых и ремонту старых детских учреждений. Недавно на совете было утверждено предложение директора комбината Сергея Владимировича Макаева о строительстве централизованной прачечной сразу на несколько детских садов.

Член совета, старший бухгалтер Галина Степановна Арефьева, как положено бухгалтеру, считала. И пришла к выводу: чтобы закончить в полсрока новый сад, родители должны отработать по сто часов, а на ремонте старых садов — по пятьдесят. На том и порешили.

Конечно, в бюджете времени эти сто часов после работы — немало. Но ведь потом, когда ребенок пойдет наконец в сад, все это окупится сторицей. Вот почему на металлургическом комбинате не нашлось ни одного человека, кто бы не согласился с этими нормами.

Норма-то нормой, но как использовать силы родителей получше? Над этим задумался председатель родительского комитета сада № 58, машинист Павел Федорович Харитонов, которого на комбинате все зовут:

Общественный прораб

— Главное в нашем общественном деле — организованность, — говорит Павел Федорович. — Если будет хаос в распределении рабочей силы, строителям от

ВСЕМ МИРОМ

Сто сороковой и сто сорок первый детские сады — близнецы. Оба рассчитаны на 125 ребят. Оба построены за пять месяцев вместо запланированного года. Почему? Потому что рядом с рабочими-строителями трудились папы и мамы — рабочие Нижнетагильского металлургического комбината имени В. И. Ленина.

Сто двадцать пять путевок в детский сад № 141 родители получили еще тогда, когда строители только закладывали здание.

— Даже не знаю, кого похвалить: своих рабочих или родителей, — говорит прораб Иван Тихонович Мелехин.

Супруги Пелагея Федоровна и Иван Егорович Горбаченко стали на стройке дружной парой подносчиков пиломатериалов. Крановщик Василий Андреевич Агафонов и техник железнодорожного цеха Борис Николаевич Громов возводили на участке беседки, «грибки» и «избушку на курьих ножках». Чертежи этих сооружений сделал конструктор комбината Владимир Иванович Белоусов. Пока по его проекту строили Агафонов и Громов, сам Владимир Иванович рыл траншею для наружных коммуникаций.

Папы и мамы строили добротнo, красиво — на совесть.

Раз в неделю собирается специально созданный на комбинате общественный совет. Председательствует заместитель директора комбината Борис Иванович Исаков. Совет планирует работу по

Скоро сюда придут маленькие новоселы, а навести уют и прибрать в доме никто не сможет лучше мам.

«Мы едем, едем, едем в далекие края...» — поют малыши, отправляясь «в дальние путешествия». Этот паровоз подарил детскому саду № 54 рабочие цеха улавливания.

нас мало пользы. Вот мы и надумали: нужно пап и мам использовать с учетом их профессий. Прежде чем приступить к ремонту 58-го детского сада, общественный прораб составил списки всех родителей и уточнил, кто кем работает. Вместе с мастером строительного участка Кузьмой Ивановичем Мишиным разработали график.

Тем, кто рыл траншеи теплофикации, было невдомек, почему на общественные работы не выходит медсестра Нина Павловна Петихайнер или учительница черчения и рисования Нина Александровна Малахова. Да и не только они. Где многие отцы — слесари, токари, газорезчики?

Но у общественного прораба была на учете каждая «рабочая единица». В отремонтированной кухне нужно было установить новый вентилятор, а на складе его не оказалось. Тогда и стали папы — слесари, токари, механики — задерживаться после работы в цехах. Сами сделали вентилятор!

— Вот и судите, где они больше пользы принесли, — говорит Харитонов.

А Нина Александровна Малахова в это время делала трафареты и по ним рисовала на шкафчиках забавных зайчат да медвежат. А сами шкафчики? Тут уж прораб вместе со столярами и слесарями приложил руку. Сделали шкафчики, покрасили кровати, ликвидировали течь в вентилях парового отопления.

Когда закончились ремонтные работы, нашлось дело и медицинской сестре Петихайнер, продавцу Марии Еремеевне Егоровой, стрелочнице Валентине Прокофьевне Сотниковой и другим мамам. Все вымыли, прибрали. Принимайте, детишки, свой дом! Вместо пяти месяцев вам его отремонтировали за полтора!

Перед самым открытием обществен-

ный прораб заглянул в подвал, а там лампа не защищена ни сеткой, ни плафоном. Позвал строителей: исправьте. До чего ж дотошный папа!

Все папы и мамы хорошие

По-разному проявляется забота рабочих комбината о детях. Как-то пришел столяр Борис Михайлович Степанов в детский сад № 117 за своими дочками. Видит, снегом все дорожки замело. Поговорил с одним отцом, с другим, а вечером все пришли и мигом дорожки расчистили.

Я позволю себе открыть один секрет коллектива коммунистического труда — цеха улавливания № 1. Собственно, когда подписчики получают этот номер журнала, секрет уже перестанет быть секретом. Но в начале апреля ребята из детского сада № 54 еще не знали, почему их родители стали приходить домой позже обычного. И не только папы и мамы. Весь цех был занят необычным делом. Сам начальник цеха Альфонс Альфонсович Керн принимал на оперативках рапорт о том, как идет работа по созданию... четырехместного педального автомобиля, который шефы готовят детям в подарок к Первомаю.

А недавно рабочие цеха передали ребятам игрушечные трамвай и паровоз, оборудовали спортивную площадку, купили мишек, кукол и много других игрушек.

Не отстает от цеха улавливания и коксохимическая лаборатория и коксовый цех. Заместитель начальника лаборатории Анастасия Моисеевна Ищенко за два года до того, как ее Маринка пошла в сад, начала помогать украшать и оборудовать будущий дом дочки. У лаборантки Екатерины Федоровны Погуляевой двое детей уже расстались с са-

дом, но она весной принесла сюда самодельную клетку для птиц.

Заботу о дошколятах проявляют не только рабочие комбината.

Кто не знает Александра Григорьевича Самарина! Четверть века проработал он на комбинате заместителем директора по бытовым вопросам. Это его трудами и заботами были воздвигнуты десятки детских учреждений. Сейчас Александр Григорьевич на пенсии. Но нет, дома не сидится! Он организовал совет содействия детским учреждениям и вместе с другими пенсионерами теперь следит за организацией капитального ремонта, за чистотой и порядком в этих учреждениях. Анна Карповна Томилова и Мария Васильевна Портнова ходят с детьми на прогулки, бывают, когда нужно, в семьях. По инициативе Анны Карповны и с помощью старших пионеров соседнего дома была построена теплица, где выращиваются цветы.

Можно было бы назвать еще много имен добровольных помощников, но, пожалуй, для этого нужно было бы перечислить не одну сотню фамилий. Поэтому я хочу закончить свою корреспонденцию вопросом к руководителю дошкольным сектором завкома комбината Зинаиде Викторовне Егоровой:

Когда будет рассмотрено последнее заявление!

— У нас на очереди еще около полутора тысяч заявлений. В этом году намечено построить шесть детских учреждений за счет фондов предприятия и два — за счет совнархоза, — рассказывает Зинаида Викторовна. — Если к этому прибавить расширение существующих детских садов на сто двадцать пять мест, то в сумме мы получим примерно требуемые полторы тысячи мест. Это значит, что уже в 1964 году на комбинате не будет никакой очереди. Придет человек с заявлением и тут же получит путевку в сад для своего ребенка.

Все планы строительства неразрывно связаны с помощью общественности. Родители подготовили строительную площадку в районе Красного Камня для детского комбината на 280 мест. А на Центральном поселке родители своими силами переоборудовали под детский сад освободившееся помещение женского общежития.

За четыре года семилетки на комбинате построено десять детских учреждений на 1185 мест. На это строительство израсходовали только в 1960—1962 годах восемьсот сорок одну тысячу рублей.

Проблема детских учреждений решается в Нижнем Тагиле не только на металлургическом комбинате. Шестнадцать тысяч детей воспитываются в садах и яслях города. И все-таки еще много неудовлетворенных заявлений.

«За 4 тысячи мест в этом году!» — под такой рубрикой в газете «Тагильский рабочий» помещаются заметки о строительстве детских комбинатов. Все — рабочие, строители, вся общественность — решили: еще четыре тысячи маленьких жителей Нижнего Тагила должны получить в этом году путевки в детские сады и ясли. А уж коли взялись за дело всем обществом, так и будет!

М. ИЛЬЧЕВ

г. Нижний Тагил.

Простая арифметика

Саша уже давно сосчитал, сколько яблочек было в кармане у мальчика, и отложил задачник. А мама все еще осторожно обводит рейсфедером замысловатые линии чертежа. Мешать ей нельзя. Саша прогуливается взглядом по клеткам розовой клеенки. Смешно: почти в каждой клетке причудливые кляксы. Кляксы трех цветов: синие, черные и фиолетовые. Ведь ученики в семье

Азовцевых учатся в трех разных классах: Саша — в первом, Люся — во втором, мама — в девятом. А разные классы пишут разными чернилами. Саша заметил на столе разноцветный листочек бумаги. Это график. Мамин и папин. Мальчик любит его рассматривать. Каждая маленькая клеточка — день. В пяти клетках подряд стоит буква «У». Это значит, в эти дни мама уйдет на работу утром и вернется днем. За «У» — буква «Н». В тридцати клетках «Н» повторяется всего два раза. В эти дни мама бывает дома. И только вечером, когда Саша уже спит, уходит на работу. За «Н» сразу две клетки с приветливыми круглыми «О». Так и кажется, что они говорят: «Отдыхайте, отдыхайте!»

Саша считает мамыны и папины «О». Если сложить их вместе, получится четыре. Четыре раза в неделю мама или папа бывают целый день дома. Саша давно уже понял, как это здорово. Раньше в выходной день мама всегда стирала, а вечером долго писала сочинение. Теперь у мамы и у папы появилось свободное время. Часто кто-нибудь из них берет за руку Сашу и Люсю и отправляется с ними на прогулку или проверяет, как сделаны уроки.

Трудно сказать, кому больше нравится новый график: Саше или его родителям — Фаине и Ивану Азовцевым, работникам ивановской текстильной фабрики «Красная Талка».

На все вопросы есть ответы

В маленькой комнатке партийного бюро прядильного производства тесно и шумно.

— А восьмой час не утомляет?

— Зарплата не уменьшилась?

Вопрос за вопросом. Их задают гости — текстильщики из г. Струнина, Владимирской области, с комбината имени «Пятого Октября». Они приехали на ивановскую «Красную Талку» за опытом. Здесь уже полгода работают по-новому. Струнинские ткачихи, прядильщицы от нового графика отказались: не поня-

ли всех его преимуществ. Как их убедить?

— Поговорите с любой нашей работницей и передайте ее мнение своим подругам, — советует гостям инженер Мария Сергеевна Умнова. — Вот, пожалуйста... Она показала на позвизвующую в дверях девушку.

— Простите, вы работаете?..

— Я ровничница.

Новому графику — широкую дорогу

А. СЕВЕРЬЯНОВА,
начальник инспекции по легкой промышленности
Государственного комитета Совета Министров СССР
по вопросам труда и заработной платы

Не раз текстильщики поднимали вопрос о ликвидации у них на предприятиях ночных смен.

На сессиях Верховного Совета СССР тт. Ананьева, Игнатьева, с трибуны XXII съезда партии тов. Рожнева говорили о том, что надо освободить текстильщиц от ночной работы. В своем заключительном слове на съезде Никита Сергеевич Хрущев поддержал тов. Рожневу, сказав, что этот вопрос необходимо решить, хотя решить его нелегко, так как проблема очень сложная.

Начались поиски. Все понимали, что нельзя ликвидировать ночные смены за счет сокращения производства или отвлечения средств от строительства новых предприятий. Помог некоторый опыт, накопленный к тому времени.

В 1960 году при переходе на семичасовой рабочий день на фабрике имени комсомольца Каминского Ивановской области разработали новый, скользящий график. По этому графику вводилась непрерывная неделя, то есть использовались и воскресенья. Работа на фабрике строилась в основном в две смены — дневную и вечернюю, каждая по восемь часов. Но в неделю работница имела два выходных дня. И только дважды в месяц она выходила в ночь (вместо 8—12 раз по старому графику).

Позже опыт ивановцев позаимствовали в других областях. В журнале «Работница» в прошлом году рассказывалось о том, как внедрили новый график на Ярославской нордной фабрике, на Московской ткацкой фабрике имени Горбунова и других.

По новому графику нет общего выходного дня на предприятии, а значит, нет его и во многих семьях. Вот почему некоторые работницы вначале отрицательно относились к графику. Но проходило время, и текстильщицы убеждались в том, что работа по-новому действительно облегчает им условия труда и жизни. Противники нового графика превратились в его сторонников и защитников.

Сейчас по новому графику работает уже более 80 предприятий, на них трудится около 310 тысяч человек. Среди них такие крупнейшие комбинаты, как Ореховский, Глуховский, Монинский, Щелковский, Киевский шелковый, Тбилисский камвольно-суконный, два Душанбинских, Ленинанканский, Ленинадский.

И очень печально, что есть еще крупные центры текстильной промышленности, где ни одна фабрика, ни один комбинат не переняли опыта ивановцев, как видно, мало знакомы с ним. Так обстоит дело в Калининне, Смоленске, Брянске, Минске, Ульяновске.

Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, изучив опыт предприятий, на которых внедрен новый график, с одобрения Высшего совета народного хозяйства СССР рекомендует всем предприятиям текстильной промышленности перейти на работу по-новому.

— Вас устраивает скользящий график?

Да, Валю Демидову он очень устраивает. У нее маленький ребенок. В мае прошлого года она вынуждена была уйти с фабрики. А когда появился новый график, тотчас же вернулась в цех.

Входят и входят работницы. Разговор становится оживленным.

Вопросы у гостей самые разные. Не «бунтуют» ли мужья? Ведь во многих семьях выходные дни теперь не совпадают.

Нет, мужья тоже довольны.

Каждый рассказывает о себе. Одни говорят о том, насколько лучше, бодрее стали себя чувствовать; другие сообщают, что собираются учиться; третьи пишут на листках бумаги цифры своей зарплаты. Пожалуйста, смотрите, она не уменьшилась, у некоторых даже увеличилась: ведь производительность труда стала выше.

Гости прощаются. Впрочем, подождите, ведь не выяснили еще одно, важное.

— Перестроилась ли работа яслей и детских садов?

В нескольких метрах от проходной «Красной Талки» — небольшой, деревянный, очень уютный дом. Утром у крыльца выстраивается целая вереница голубых, белых колясок. В три часа дня многие из них отъезжают, а их место занимают новые. Началась вторая смена на фабрике и вторая смена — в яслях. По воскресеньям эта своеобразная стоянка тоже не пустует: в яслях образована дежурная группа. В детских садах устроились несколько по-другому. Там нет двух смен, но зато увеличены круглосуточные группы. Матери стали брать своих детей домой на два выходных дня. Появилась возможность дополнительно принять ребят. Уменьшилась плата за детский сад.

Что осталось нерешенным

Иваново — город текстильщиков. Поэтому скользящий график, пришедший на многие фабрики, изменил ритм всей городской жизни.

Перемены даже во внешнем облике города: улицы стали оживленнее, дольше, чем прежде, работают многие магазины. По воскресеньям нет в них сутолоки и очередей. Теперь не нужно тратить много времени в ателье, прачечных, мастерских по ремонту одежды и обуви. Часы их работы удлинены.

Сделано много. Но некоторые задачи, появившиеся в связи с новым графиком, остались нерешенными. Плохо приспособился к новому расписанию смен на фабрике городской транспорт. Студентов вечерних вузов очень волнует, что из 16 занятий в месяц 6 приходится пропускать. Главных механиков всех предприятий, работающих по скользящему графику, беспокоит проблема резервного оборудования. Ведь сейчас самая большая остановка фабрики — 7 часов. Выйдет, например, из строя электромотор, который не успеют отремонтировать за это время, — и машины в цехах будут простаивать.

И если бы ВСНХ и СНХ СССР, горячо поддержавшие новый график, нашли возможность выделить средства на дополнительное электрооборудование, то затраты в недалеком будущем окупятся бы сторицею.

Т. АЛЕКСАНДРОВА

г. Иваново.

Повести любви и жизни

Чингиз Айтматов начал печататься всего несколько лет назад (его первая повесть вышла в 1958 году), но то, что он уже сделал, позволяет говорить о большом таланте писателя, открывшего в своих книгах светлый, прекрасный мир — мир красоты, душевной доброты, верного и пламенного сердца.

Когда-то чудесный русский писатель Александр Грин мечтал о земле, на которой будут жить счастливые и веселые люди. Он создавал свои сказки о дивных городах и людях, о прекрасной девушке Ассоль.

Героиню повести Айтматова «Тополек мой в красной косынке» зовут Асель. Почти Ассоль. Может быть, от этого соизучия имен и возникла ассоциация с Грином. Нет, пожалуй, не только в этом дело. Асель в отличие от героини Грина ходит по земле, реально существующей, и даже адрес ее известен: эта киргизская колхозная девушка живет на берегу Иссык-Куля.

Страница за страницей, строка за строкой — и раскрывается ее характер, такой мягкий, такой обаятельный, характер такой истинной и высокой поэзии, накого ни одна сказка, кроме разве единственной сказки — сказки жизни, не придумает.

Нелегко складывается судьба Асель. Едва выйдя замуж и родив сына, она уходит от нежно любимого мужа, потому что он обидел ее гордое чувство свободной женщины, оскорбил их любовь.

Два человека ведут в повести свой рассказ — бывший муж Асель шофер Ильяс, потерявший право называться отцом и мужем, и дорожный мастер Байтемир, приютивший Асель с сыном, полюбивший ее той любовью, которую просто и точно в народе зовут «до гроба». Таким образом, вы как бы с двух разных точек видите Асель, и чувство уважения к ее душевной стойкости, преданности, гордости и прямоте невольно охватывает вас.

...А вот совсем молодой парнишка Кемель — герой повести Айтматова «Верблюжий глаз». Сразу после школы приезжает он в глухой степной район Анархай. Его друзья поехали на «настоящую» целину, где их ждут большие, славные, интеллигентные дела, а его сделали водовозом при трактористах. Кругом пусто, народу всего два тракториста, два прицепа, повариха да он сам. И засуха, засуха... Пашут здесь первую весну, а окрестные колхозы выжидают, что получится у покорителей целины. Что может, казалось бы, произойти в этом тихом, пустынном крае? Происходит же столкновение честного, творческого отношения к жизни, к труду на пользу и радость людям и собственнических, шкурнических инстинктов.

Абакир — опытный, умелый тракторист. У него есть чему поучиться. Но мечтает он только об одном — побольше заработать, побольше накопить денег, стать богатым, а там... А что там, это и ему самому не очень ясно. Он груб и зол. Кемель перед ним — зеленый юнец. Но у этого юнца чистое и нежное сердце, он умеет любить людей, хочет им добра и счастья. Не случайно в душе Кемеля расцветает прекрасная мечта о стране Анархай, в которой будет вода и хлеб, деревья и тень, сады и птицы. И мы верим, что так обязательно будет. Залогом тому — трудолюбие Кемеля, твердость его характера, душевная чистота.

И здесь, в этой повести, поэт женского сердца Айтматов, начавший свой путь с «Джамили», которую Луи Арагон назвал «самой прекрасной на свете повестью о любви», рисует, хотя и более бледно, очаровательный портрет девушки с челочкой, которую Кемель встречает у чистого родника...

Мечта о прекрасном, о человеческом счастье ведет по жизни и героя еще одной повести Чингиза Айтматова — красноармейца комсомольца Дюйшена. Айтматов всегда рассказывает о своих героях не от своего лица — о них обычно повествуют люди, живущие с ними рядом. В «Первом учителе» рассказ о Дюйшене ведет Алтынай Сулайманова. Пожилая, уважае-

мая киргизская женщина, доктор наук, академик, известна всей стране. Землянки приглашают ее в родной аил на открытие новой школы. Здесь с ней и знакомится автор повести. От него не может укрыться ни ее волнение, ни смущение, и ему непонятно, почему Алтынай не хочет задерживаться на празднике и уезжает с первым же поездом. Через несколько дней он получает письмо-исповедь, в которой Алтынай рассказывает о своей юности, о первой в аиле школе — «школе Дюйшена».

Дюйшен, пришедший с гражданской войны, сам полуграмотный человек, единственным богатством которого был портрет Ленина в кармане потертой шинелишки, организует первую в аиле школу. Что только не пришлось ему вынести, прежде чем родители пустили детей учиться! Подобно Данко, Дюйшен готов был вырвать из груди свое сердце, чтобы осветить людям путь к грамоте. Он так красив в своем подвиге, что Алтынай проникается к нему не по-детски глубокой любовью. Но были еще сильные законы прошлого, и Алтынай выдает замуж за другого. Дюйшен, любя девушку и сочувствуя ей, помогает ей уехать из дома учиться. Последнее, что она слышит, это крик Дюйшена: «Алты-на-а-ай!» — крик невысказанной любви.

Жизнь надолго, вернее, навсегда, разлучает Алтынай и Дюйшена. Во время войны Дюйшен был ранен, не вернулся на родину, его считали погибшим. В конце концов смирилась с этой мыслью и Алтынай. Она увлеклась наукой, стала академиком. А к тому времени, когда судьба снова привела ее в родной аил, у нее была и любимая работа и хорошая, дружная семья. И вот на открытии новой школы она неожиданно узнает о том, что Дюйшен вернулся, стал колхозным почтальоном и о былом подвиге седебородого старика теперь уж никто не помнит — больше того, многие с насмешкой говорят о том, что он, не твердо зная грамоту, пошел называться «учителем»...

Вот тогда-то Алтынай и поняла, что обязана рассказать, каким высоким был подвиг молодого Дюйшена, о котором люди не смеют забывать.

Все три повести Чингиза Айтматова овеяны дыханием поэтической любви и родной природе, романтизмом, рыцарским отношением к женщине. Они проповедуют благороднейшие идеалы нашего мира, и, прочитав их, от души радуешься доброму таланту молодого писателя.

Е. ФАЛЬКОВИЧ

Таня исполняет «Колыбельную».

ПРО МАМУ

«...Верхнюю одежду и плохое настроение оставляйте на вешалке!» — этот шуточный, броско написанный плакат — первое, что привлекает внимание, когда вы переступаете порог квартиры Федькиных. И сколько бы вы затем ни пробывали в этой дружной семье, улыбки и радостное настроение все время окружают вас.

В семье было семь сопрано. Было, потому что сейчас осталось шесть. Седьмое сопрано, вместе с его обладательницей студенткой биофака Московского государственного университета та Еленой, совсем недавно переселилось в другую квартиру. Короче говоря, Лена вышла замуж.

«Все равно нам всем придется уносить свои сопрано», — поется в песенке «Про маму», которую сочинили семь дочерей Марии Борисовны Федькиной. И только тринадцатилетний Гарик, составляющий мужскую часть семьи, не принимал в этом участия.

Не думайте, Мария Борисовна не музыкант.

— У мамы, кажется, абсолютный музыкальный слух, — говорит дочь Галля, старший лаборант Научно-исследовательского института комплексно-транспортных проблем.

— И увлечением музыкой мы, конечно, обязаны только ей, — добавляет Надежда, дипломница Московского химико-политехнического техникума.

Это бесспорно. Стараниями Марии Борисовны дети обязаны самозабвенной любовью к музыке. Галля играет на аккордеоне и пианино, Надежда и Елена — на пианино, Наташа, Маша, Гарик и Ира учатся в различных музыкальных школах Москвы по классу фортепьяно, скрипки и виолончели. Семилетняя Танюша, гордость семьи, — ученица дошкольной группы Центральной музыкальной школы.

Татьяне Федькиной едва исполнилось четыре года, когда она сочинила свой первый менуэт.

Не берусь предсказывать, кем ста-

Семья Федькиных.

Фото В. Мусинова.

И СЕМЬ СОПРАНО

нет Таня, когда вырастет, но одно несомненно уже сегодня. Перед нами... Впрочем, лучше я приведу выдержку из письма выдающегося музыкального деятеля нашей страны профессора Генриха Нейгауза к преподавателю дошкольной группы Центральной музыкальной школы при Московской государственной консерватории Анне Даниловне Артоболовской, которая вот уже второй год занимается с Татьяной:

«Шестилетняя Таня Федькина поразила меня, обворожила, умилила, обрадовала до крайности! Это — чудесное, редкостное дарование! Я в восторге». Но ведь это дарование могло и не раскрыться или раскрыться слишком поздно, родился Таня в другое время, в другой семье. А в доме Федькиных ее с рождения окружала музыка.

Звучит она и сегодня. Гарик вооружается скрипкой, Ирина настраивает виолончель, Наташа садится за пианино. Льетса вдохновенная, немного грустная мелодия музыкальной пьесы «Раздумья», созданной малолетним семейным композитором Танюшей.

Затем Ира, Надя и Галя уже по моей просьбе исполняют песенку «Про маму»:

Ах, не зря я вас придумала,
Станут все, как я хочу.

Я смотрю на Марию Борисовну, на ее блестящие от радости глаза и понимаю, что она вправе произносить эти слова без малейшего сомнения, с достоинством и гордостью. Это ее натруженные от домашних хлопот руки выходили восьмерых детей. На ее плечи неожиданно-негаданно обрушилось тяжелое горе: три года назад ушел из жизни ее муж, видный юрист. А насколько она была бы счастливей, будь он рядом с ней, с детьми! И еще об одном я подумал: в какой стране хваленного «капиталистического рая» могла бы встретиться подобная семья? Ведь Мария Борисовна не работает. Государст-

во не только выдает ей пособие на детей, но и заботится о том, чтобы не приходилось платить за их обучение в музыкальных школах.

Мои размышления прерывает Танюша:

— Хотите послушать «Кубинскую песню»?

Ритм напряженный, чеканный, словно слышишь революционную поступь героического кубинского народа. И одновременно сколько обаяния в этой песне:

Родная Куба, мы с тобой
Одно связаны борьбой.
И жизнь твою и светлый труд
Народы мира сберегут.

Слова этой песни, впрочем, как и всех остальных, написаны не профессиональным поэтом-песенником, а дядей юного композитора — Константином Яковлевичем Абашиним. А совсем недавно свои авторские услуги предложил Танюше инвалид Отечественной войны Петр Ефимов из города Кострома, вот уже десять лет прикованный к постели тяжелым недугом. Когда вышел в свет сборник Ефимова «Веселые ребята», автор предложил Тане положить одно из его стихотворений, «Ленинское знамя», на музыку. На днях Таня выполнила просьбу поэта. Удачно ли, судить слушателям.

Я забыл сказать, что Таня в большой дружбе с космонавтами. Она посвятила марш Г. Титову, написала «Песню космонавтов» и «Марш с позывными». Недаром Юрий Алексеевич Гагарин как-то сказал ей:

— Мы, космонавты, производим тебя в космические композиторы.

А Николаев и Попович написали: «Дорогая Танечка! Большое спасибо тебе за твою песню. Она нам очень понравилась. Желаем тебе успехов в учебе, счастья в жизни и здоровья».

После «Кубинской песни» Таня предлагает мне послушать «Осенний вальс». Маленькие пальцы медленно

перебирают клавиши, взгляд не по-детски сосредоточен.

— Почему твой вальс такой грустный? — спрашиваю я девочку.

— А разве осень веселая? — неожиданно говорит она, продолжая играть.

— Хотите «Весенние миниатюры»? Это совсем другое, — через несколько минут предлагает Таня. — Слушайте, вот показывается травка, а вот распускаются цветочки, а это журчат ручейки, щебечут птички...

И я неожиданно для себя подпадаю под обаяние музыкальных образов: вижу лужайку, покрытую сочной молодой травой, чувствую запах полевых цветов, слышу озорные перепевы птиц, веселое журчание ручейков...

Потом Таня аккомпанирует сестрам, исполняющим «Колыбельную»:

Догорит заря вечерняя,
Потемнеет небосвод,

Пусть же песня колыбельная
Радость в каждый дом несет.
Спи, малыш мой, спи, малыш,
Как ты сладко спишь.

У Тани на счету уже около тридцати музыкальных сочинений.

— Танюша, а как ты придумываешь свою музыку? — спрашиваю я.

Девочка сосредоточенно хмурится. В эту минуту она кажется значительно старше своих семи лет.

— Даже и не знаю, как вам объяснить. У меня всегда в голове какая-нибудь мелодия... Сажусь за инструмент и играю... Мама зовет к завтраку, а я не могу оторваться...

И неожиданно совсем по-детски добавляет:

— Пока молоко не остывает.

И заливается смехом.

И я сразу вижу иную, чем несколько минут назад, девочку: резвую и шалунью, непоседу и хохотунью. В ней непостижимым образом переплелись склонность к осмысленному творчеству и беззаботность.

В своих успехах Таня многим обязана матери, сестрам, брату. Они окружили ее заботой и вниманием. Нет, ее не балуют. Разве только оберегают от перегрузки. А вообще-то со всей строгостью воспитывают в ней скромность, чуткость и отзывчивость.

Сестры немало помогают Танюше. Прежде всего они первые исполнители ее произведений. А Наташа еще и постоянный переписчик нот. Тексты песен Таня тоже разучивает с помощью сестер, так как сама читает пока что по складам. Семья Тани — ее вторая школа.

Известный музыкант И. Менухин, прослушав однажды «Кубинскую песню» и «Колыбельную», написал: «Танюша, уверен, что услышу о тебе в будущем».

Мне хочется разделить эту уверенность.

Р. МИНАСОВ

Отряды выстроились на торжественную линейку.

„РЕСПУБЛИКА

Сегодня во Дворце смотр юных талантов Москвы.

„ПИОНЕРИИ”

Тема занятия кружка кулинарии — сдобное тесто к чаю.

Фото Н. Маторина.

Серебристая стальная мачта уходит в небо. Год назад под торжественные звуки горна и дробь барабанов на ее вершину взвился красный флаг, открылись двери Московского Дворца пионеров.

И с тех пор каждый день спешат сюда, на Ленинские горы, тысячи девчонок и мальчишек, приезжают гости из других городов и из других стран.

В «Республике Пионерии» есть на что посмотреть, есть к чему приложить руки, над чем поразмыслить.

Здание Дворца красиво. Пройдя сквозь стеклянные двери главного входа, попадаешь в зимний сад. Тропические пальмы толпятся вокруг бассейна с золотыми рыбками; журчит вода, падая из ялкова металлического аиста на разноцветные листья кувшинок. Недаром этот уголок в различных вариантах повторяется на мольбертах юных художников.

Сразу за зимним садом зал октябрят. Светло-зеленый ковровый пол словно мягкая трава. Как яркие цветы — игрушки. Сквозь прозрачные стены льются потоки света. И звенят, звенят счастливые ребячьи голоса.

В Ленинском зале все строго, просто, торжественно. Здесь проходят сборы, прием в пионеры. Здесь под красным знаменем ребята дают клятву быть верными борцами за коммунизм.

Ходишь по Дворцу, и кажется, что залы, галереи, кабинеты и лаборатории хранят тепло и ласковую улыбку тех, кто возводил для детей это здание.

Нигде еще не приходилось нам «добывать» интервью с таким трудом, как здесь: во Дворце все страшно занято. Легкой лебединой стайкой пробежали и тут же скрылись юные балерины; двести юных шахматистов ломали себе голову над тем, какой следующий ход делает Петросян или Ботвинник. В одной из комнат шел ожесточенный «морской бой», в другой стрекотали швейные машинки, в третьей кто-то склонился над микроскопом...

А вот еще дверь. Двойная, звуконепроницаемая. Приоткрой ее — и

Ты услышишь, ты услышишь,
Как веселый барабанчик
В руки палочки кленовые
берет...

Ну, конечно же, это репетирует всемирно известный пионерский ансамбль под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР В. С. Лонгтева.

Пона мы выбирали, в какой кружок пойти, из-за угла прямо на нас высочил грузовик, и счастье, игрушечный. «Направо!» — приказал чей-то голос, и грузовик послушно уклонился от

столкновения. Как сказочные герои за клубком ниток, мы направились за управляемой на расстоянии машиной и пришли в отдел техники. Здесь и создаются сложные автоматические и радиоуправляемые модели.

В просторной комнате судомоделистов стоят уже готовые и городским соревнованиям действующие модели — от парусников до современных лайнеров. В этом году пионерский флот пополнится судами на подводных крыльях, на воздушной подушке.

В кружках астрономии и космонавтики занимаются ребята, увлеченные наукой, влюбленные в звезды и Гагарина. Сколько радости и гордости было у всех, когда Володе Ковалю удалось сфотографировать таинственный канал на Марсе, когда в грохоте мощных двигателей был дан старт пионерским «космическим» ракетам, когда на большом лунном глобусе красными буквами вписывали новые названия на «той стороне» Луны!

Для занятий юннатам отведено семь комнат. В самой большой пионеры создают выставку «За ленинское отношение к природе». Она расскажет о том, какие звери и птицы охраняются законом, из каких трав готовятся ценные лекарства, какие растения имеют народнохозяйственное значение. Любовь к живой природе воспитывается не только в кружках юных натуралистов, но и юных краеведов, историков, художников, скульпторов, кинолюбителей.

Ветка сирени на золотистом кусочке картона — приглашение на весенний бал-конкурс. Конкурс на самое красивое платье. Но непременное условие: платье должно быть сшито самой. Представляю, как будет трудно жюри присуждать первую премию: девочки из швейных кружков отдела домоводства все отличные мастерицы.

В нижнем этаже одного из корпусов Дворца расположена уютная квартира. В гостиной, обставленной современной мебелью, вас встретят пятнадцать приветливых маленьких хозяек — членов кружка кулинарии и ухода за жильем. Все они в чистых передниках, разноцветных косынках. Многому ли они научились? А вот, пожалуй: убирать комнату, сервировать стол, принимать гостей, обращаться с пылесосом, стиральной машиной, готовить разные кушанья. ...О Дворце Красоты и Науки, Труда и Веселья можно рассказывать бесконечно. Ни эти строки, ни эти снимки не могут передать и в малой мере всего того, что сделано для наших детей.

И в ответ на заботу взлетают в салюте детские руки: выполнить любое задание Родины юные пионеры всегда готовы!

С. ЛАПТЕВА

Юные кинолюбители.

У фонтана «Аист».

Зал октябрят.

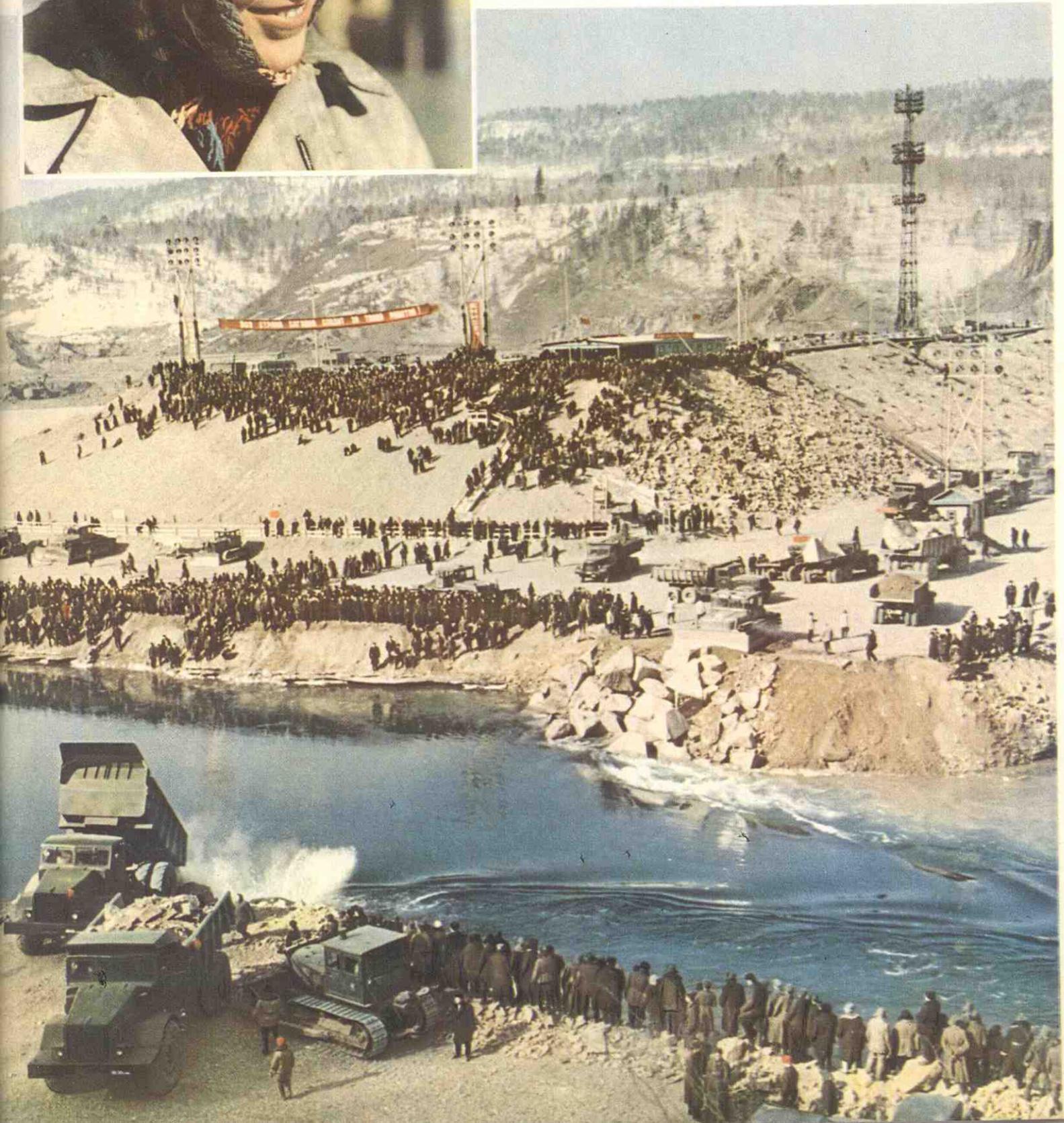
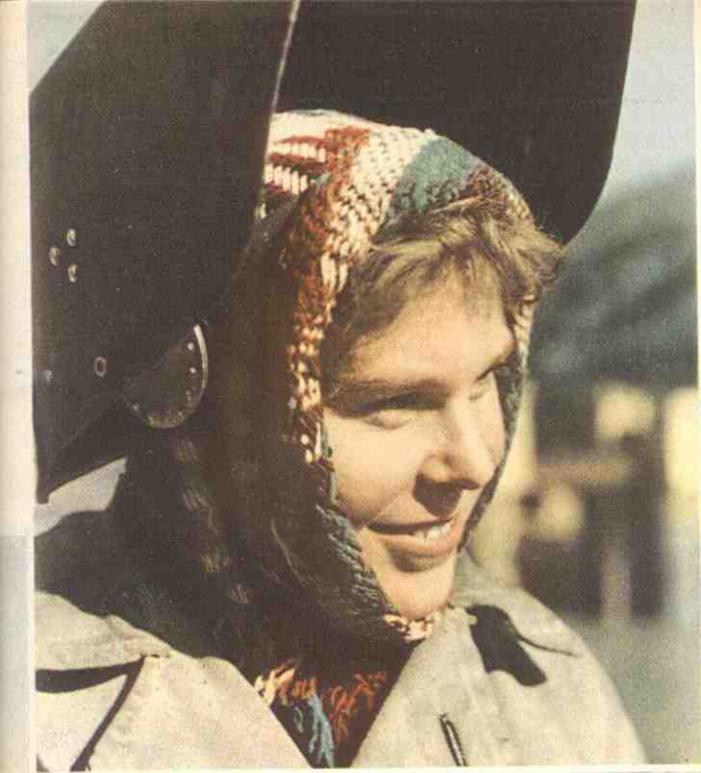

ИХ АДРЕС:

Красноярская ГЭС — третья
стройка, на которой работает
сварщица Женя Колобова.

Перекрытие Енисея.

Фото Д. Бальтерманца.

ЕНИСЕЙ, ДИВНЫЕ ГОРЫ

Константин РАСПЕВИН

На Енисее, у Дивных гор, строится самая крупная в мире, Красноярская ГЭС. В составе выездной редакции «Правды» я был на стройке в момент перекрытия Енисея. И на самых ответственных участках видел здесь рядом с мужчинами гидростроителей-женщин.

«Богиня взрывов»

Предрассветный туман окутал реку, темные и мрачные горы по обеим ее берегам, огромные сооружения плотин. На скалах и утесах, на башнях кранов и стрелах экскаваторов святились яркие огни. А по мосту, по горным дорогам шли люди, тянулись, пробивая туман светом фар, автомашины. Людям хотелось увидеть, как повернет в новое русло Енисей.

Ночь уходила. Для Антонины Калининой это была самая тревожная в жизни ночь. Она начальник буровзрывных работ на строительстве Красноярской ГЭС. Ей подчиняются более ста мужчин-взрывников.

Антонина Калинина волновалась. Волновалась потому, что никогда еще не

руководила таким сложным взрывом. И хотя уже много раз все было проверено и взвешено, хотя жила в ней твердая уверенность в успехе, снова и снова Антонина тревожилась: «А хорошо ли проложен кабель? Правильно ли сделан расчет? Так ли пойдет в котлован вода?»

Незаметно для взрывников она внимательно вглядывалась в их лица: Геннадий Кравченко, Михаил Володин, Николай Орефьев, Александр Васильев. Нет, эти не подведут! И, как бы угадав мысли Антонины, автор схемы взрыва, москвич Артошес Богдасаров улыбнулся:

— Все будет хорошо!

— Все будет хорошо! — сказала она окружившим ее вскоре журналистам. — Простите, но у меня нет сейчас времени. Прошу вас подняться в горы. Скоро взрыв...

Она смотрела на то, как исчезают в тумане эти обвешанные фотоаппаратами и, кажется, обидевшиеся на нее люди, и на какое-то мгновение ей захотелось вернуть их, рассказать им о том, как трое суток почти без сна работали ее взрывники, и о том, как нелегко выдержать эти трое суток напряжения

сил, воли, нервов. И о том, как училась она под Москвой в Подольском индустриальном техникуме, как попала сюда, в тайгу, в самом начале стройки, как трудно было бурить и взрывать гранитные скалы, прокладывая дорогу на Красноярск. Но уже через мгновение она решительно поправила на голове свой зеленый платок и зашагала в тяжелых сапогах по мерзлой земле к перемычке — еще раз проверить взрывную сеть.

Спустя несколько часов, когда отгремел над Енисеем могучий взрыв и воды его пошли по новому, созданному руками человека руслу, Антонина Калинина — «богиня взрыва», как ее в шутку зовут на стройке, — застенчиво показала мне свои стихи. В них говорилось, как на берег Енисея пришли несколько лет назад молодые смелые люди. Разбили в глухой, нехоженой тайге палатки и стали строить новый город. Потом выбрали самую крепкую скалу и высекли на ней слова: «Покорись, Енисей!»

...Внизу, под горой, нес воды Енисей. А худенькая женщина в тяжелых сапогах и зеленом платочке читала свои

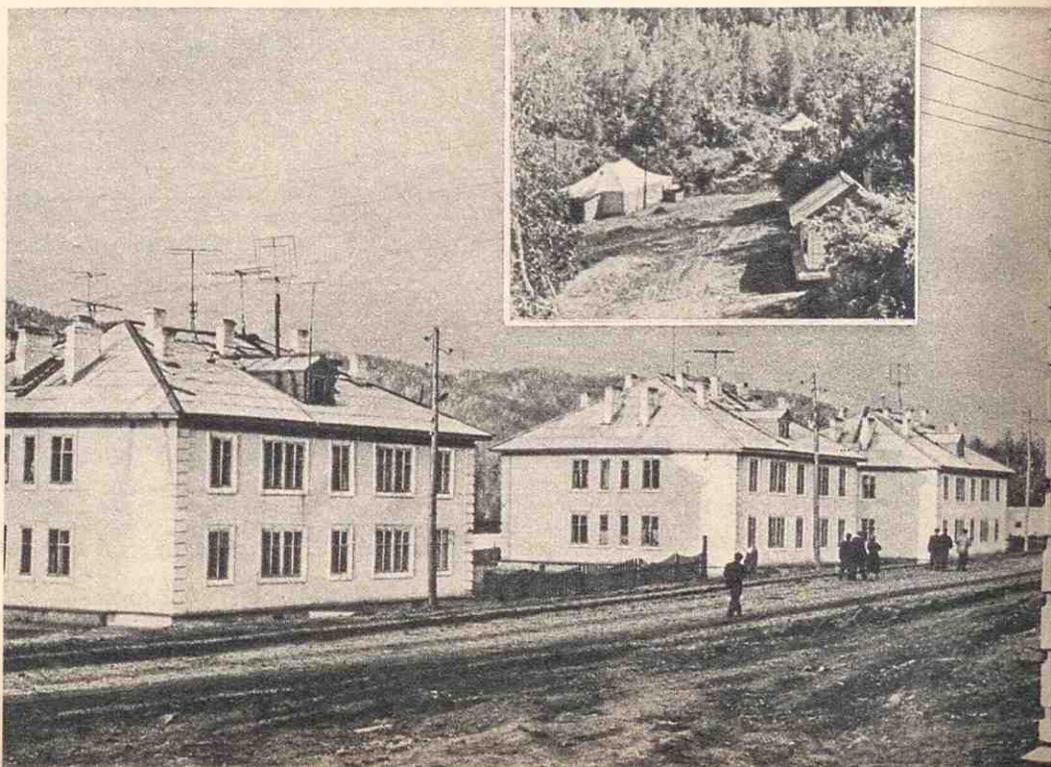
Эта улица, как и весь город Дивногорск, выросла на том месте, где семь лет назад стояли первые палатки гидростроителей.

Фото А. Скурихина.

Антонина Калинина.

Фото М. Кухтарева.

стихи о победе над ним, о том, что великая сибирская река скоро будет работать на коммунизм.

Жена

Валентин Крылов руководит одним из лучших звеньев на строительстве Красноярской ГЭС. В мороз, под злым ветром, порой стоя чуть ли не по колено в ледяной воде, ребята и девушки из его звена день за днем вгрызались в гранитные ложе Енисея, до блеска отмывали серые скалы на дне реки, снимая с них ил и глину, прежде чем навсегда укрывать бетоном. А потом поднимали над руслом реки один бетонный блок водосливной плотины за другим.

Как-то после работы Валентин пригласил меня к себе домой. Познакомил с женой, которую, как оказалось, тоже зовут Валентиной. Работала она начальником почты в поселке строителей Шумиха.

Вернувшись в вагон-редакцию, я по памяти записал их рассказ.

...Они оба выросли в небольшой деревушке, что затерялась в лесах на берегу реки Пижмы. Работать Валентин начал рано. После армии вернулся под Горький, в родные места. Встретил здесь девушку по сердцу, женился. Оба были молоды, полны сил и любили мечтать. Хотелось дела — пусть трудного, но такого, чтобы даже через много лет с гордостью вспоминать о нем. Хотелось, чтобы был и у них в жизни свой подвиг.

Однажды вечером сидели дома. Весело улыбаясь на коленях у Валентины двухлетний сынишка Саша. По радио выступали первые строители Красноярской ГЭС. Рассказывали о суровом Енисее, о Дивных горах над ним, о том, что решено покорить могучую сибирскую реку: «Приезжайте к нам, товарищи комсомольцы, на строительство крупнейшей в мире ГЭС!»

Они молча посмотрели друг на друга: «Вот оно, дело, о котором мечтали! Вот где совершают подвиги!»

Енисей Валентина увидела весной. Вместе с мужем, который нес на руках сына, она шла вдоль реки. Русло, скованное льдом. Суровые берега. Тишина.

Кессоны в котловане, дорога среди скал — Валентина видела, что любая работа на стройке принесла мужу, так же как и ей самой, радость. Но неожиданно пришла к мужу жгучая обида. Вечером Валентин, как обычно, оставил свой автогрейдер на левом берегу. А наутро, когда катер подвез его к этому месту, увидел, что какие-то хулиганы разбили ночью стекла кабины и приборную доску машины.

Один из начальников стройки, даже не спросив Валентина, что случилось, несправедливо обругал его. Здесь же, в гараже, Валентин, сдерживая подступивший к горлу комок, написал заявление об уходе с работы.

Крыловы уехали с Енисея через несколько дней. Ничего не смогла тогда сделать Валентина. Но кто, как не она, помог мужу потом понять, какая это была ошибка! Нет, не сразу, не легко согласился он вернуться на Енисей. Терзали сомнения: поймут ли его правильно на стройке?

— Поймут! — упрямо повторяла она. — Подем!

Давно уже вернулись Крыловы на строительство Красноярской ГЭС. Пережили здесь большое горе: трагически погиб их первенец, их Саша. Посуровели черты лица у Валентины. Строгая складка пролегла вокруг рта у ее мужа.

Но на многие годы связали они свою жизнь с этой рекой и думают построить на Енисее еще не одну могучую ГЭС. В Дивногорске родилась у них дочь Людмила. Сейчас малышке четыре года. На днях появится у нее сестренка или брат.

На Енисее Крыловы выросли и возмужали. Стали крепче душой. Вся стройка помнит: решив со своим звеном, что зная за первое место в соревновании присуждено их коллективу неправильно, Валентин Крылов сам вернул его. Но вряд ли даже ребята из его звена знают, кто раньше всех помог их командиру принять такое трудное, но правильное решение. Знают об этом лишь сам Крылов да та, что подсказала решение, — его самый большой и близкий друг, его жена.

Инструктор укладки бетона

У художников выездной редакции «Правды» на строительстве Красноярской ГЭС был небольшой автобус. Он служил им передвижной мастерской. А кроме того, просто защищал от ледяного ветра, который веками привык гулять над Енисеем по узкой долине меж Дивных гор.

Дарья Васильева.

Рисунок А. Яр-Кравченко.

В этом автобусе я впервые и увидел Дарью Васильевну Васильеву: ее портрет рисовал заслуженный деятель искусств Литовской ССР Анатолий Никифорович Яр-Кравченко. Между ним, признанным художником, и бетонщицей шел большой разговор об искусстве и литературе. Васильеву интересовало буквально все: и то, как проходила со-

стоявшаяся незадолго перед этим встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, и то, чем заняты сейчас видные советские поэты и писатели.

Тихим мелодичным голосом, чуть «окая» по-волжски, она рассказывала, картины каких художников ей нравятся, и убедительно объясняла, почему они ей нравятся, задорно и остроумно смеялась над мазней абстракционистов, давала меткую оценку советским и иностранным кинофильмам, которые видела.

Я не вытерпел и поинтересовался, где она училась. Васильева вздохнула: «Жизнь учила меня» — и рассказала свою историю.

Родилась она в далекой чувашской деревне, на берегах тихой Цивили. Был у нее любимый человек. Только слабовольным он оказался. Все могла ему простить — лишь бы бросил он пить, лишь бы не видеть в его руках этой проклятой бутылки. Только не случилось так. Не смог он идти вровень с ней, не захотел.

Горькие бабьи слезы да милые чувашские песни везла Дарья в неведомую ей в те годы Сибирь. И еще везла страстное, огромное желание работать. Работать много, упорно, до боли в руках.

Здесь, в Сибири, строила вместе с другими Иркутскую ГЭС на Ангаре. Захотела стать бетонщицей. И стала ею. А вскоре назначили Васильеву звеньевой. Люди в ее звене подобрались старательные. На века строили, чтобы дети и внуки добром помянули. А когда усмирили строители Ангару, поехала Дарья в Дивногорск, где начиналось еще более могучее дело. И такое мастерство в работе показала на Енисее коммунистка Васильева, что утвердили ее инструктором укладки бетона. Учит теперь она обращаться с бетоном других. И как не понять молодым рабочим такого учителя: ведь, объясняя, Дарья будто вкладывает душу свою, будто тепло сердца своего отдает им!

Сестренки

Шло перекрытие Енисея. Самосвалы, исполнены, груженные обломками скал, бетонными пирамидами и кубами, один за другим подъезжали к обрыву, где бесновались темно-зеленые, по-океански крутые волны реки. Самосвалы сбрасывали в кипящий поток многотонные глыбы и откатывались назад, уступая место все новым и новым машинам. А на склонах сопок и гор вокруг прорана собралась тысяча людей, пришедших посмотреть на то, как покорится Енисей. В этой толпе радостных, возбужденных гидростроителей я увидел трех сестер Цыганковых. Они что-то объясняли наперебой матери, пожилой женщине. Она то следила за стремительным, азартным наступлением машин и людей на реку, то с любовью и восторгом поглядывала на дочерей.

Впервые я познакомился с сестрами в то утро, когда была взорвана нижняя перемычка и воды Енисея вошли в котлован. Девушки молча смотрели на большие льдины в затопленном котловане, на суетившийся возле них катерок, и не было почему-то улыбок на их лицах. «Жаль котлована! — неожиданно сказала Нина. — Привыкли мы к нему».

Сестры-бетонщицы (слева направо) Нина, Раиса и Кира Цыганковы.

Фото Е. Халдея.

Девушка вздохнула. И я вдруг понял, почему задумчивы лица ее сестер. Им в самом деле было жаль котлована. Ведь сколько часов, дней и недель нелегкого труда отдали сестры его бетонной чаше!..

Первой приехала на стройку старшая из сестер, Рая. Приехала из далеких калининских мест вместе с мужем сразу же после свадьбы. Он, ее Володька, с восторгом рассказывал о Дивных горах на берегах Енисея, и Рая согласилась поехать туда. На стройке сменила профессию кулинара на трудную специальность бетонщицы. Бетонировала дорогу к котловану на левом берегу, бычки водосливной плотины и ту бездонную тектоническую трещину, которая оказалась в скальном дне Енисея. Очень она уставала за день и все-таки находила время писать сестрам письма. Нет, она не агитировала их ехать на Енисей. Просто рассказывала, как интересно здесь жить.

И сестры решили тоже перебраться в Сибирь. Распрощавшись со школой, где работала пионервожатой, отбыла на Енисей Кира, а за ней и Нина. Обе поселились в одной комнате общежития. Быстро окончили курсы такелажников.

С улыбкой вспоминают сестренки, как родилась у Раи в Дивногорске дочь. Скоро исполнится ей четыре года. Здоровой Иринка растет и крепкой. Настоящая сибирячка!

За несколько дней до перекрытия Енисея приехала в Дивногорск посмотреть на дочерей и внучку Полина Яковлевна Цыганкова. Долго водили ее дочери и зять по гигантской стройке, знакомили с товарищами, показывали шагающие экскаваторы и 25-тонные самосвалы, объясняли, где будет плотина, как потечет по новому руслу Енисей. Пожилая женщина не спеша ходила вме-

сте с ними, слушала, кивала головой. Дочери показывали ей огромный пирс, который строили, бетонный завод, где начинали работать, секции растущей ввысь плотины. Им казалось, что мать еще не все видела, еще не все поняла. Они останавливали самосвал и, забравшись вместе с матерью в его огромную кабину, просили шофера подвезти к дальнему карьеру, чтобы мать увидела и этот карьер и то, как сверлят здесь многотонные куски скал, готовя их для перекрытия Енисея. И мать смотрела, как взрывают горы; снова слушала то, что говорили ей дочери; снова кивала им головой. А потом вдруг заплакала. Дочери растерялись. Но Полина Яковлевна успокоила их: «Ничего, доченьки, это я от радости за вас».

Много лет растила она дочерей, беспокоилась, мечтала о том, чтобы удалась у них жизнь, чтобы были они счастливы. С тревогой отпускала их в далекую Сибирь. С тревогой распечатывала каждое письмо: «Как они там? Ведь одни!» Теперь, глядя на румяные, восторженные лица дочерей, мать радовалась за них. И думала о том, что скоро придется ей расстаться и с самой младшей своей дочерью, Наташей: придется и ее отпустить к сестренкам на Енисей.

Хозяева кафе «Вира»

Право поднять вымпел «Слава труду!» над покоренным Енисеем было предоставлено звену Анатолия Шелковникова. Не так уж велико это звено — больше десятка юношей и три девушки: Евгения Чернецова, Тамара Якимова и Маргарита Овсянникова. Первая приехала на стройку по комсомольской путевке из

подмосковного города Мытищи, две другие — с Урала.

...Звучал Гимн Советского Союза. Взгляды многих тысяч людей были устремлены на победителей соревнования, а девушки и парни, глядя, как поднимается ввысь алое полотнище вымпела, думали о том, что уже осталось позади, о том, как укладывали бетон в сорокаградусный мороз, выполняли десятки других работ.

Они рассказали обо всем этом вечером на встрече с Константином Симоновым, Борисом Полевым, Александром Безыменским, Робертом Рождественским в кафе «Вира».

Есть такое маленькое и чудесное кафе в сибирской тайге на берегу Енисея. Его построили своими силами молодые жители Дивногорска. Они здесь и гости и хозяева. В этом молодежном кафе никогда не увидишь пьяного, зато по вечерам идут горячие споры об искусстве, о литературе, о будущем. Здесь читают стихи, здесь рождаются новые песни.

Часто в кафе приходят прямо со стройки. В сапогах, неуклюжих ватных брюках и куртках. Где-то там, за дверями гардероба, снимаются спецовки, раскрываются чемоданчики, развязываются небольшие узелки, и происходит чудесное, словно в сказке о Золушке, превращение: вы уже видите за столиками кафе красиво одетых юношей и девушек — фей в туфлях «на гвоздиках», — веселых, остроумных. У них рабочие руки и глубокая вера в величие пути, по которому они идут.

«Вира» — на языке крановщиков и такелажников означает: вверх. «Вира» — назвали свое кафе молодые строители Красноярской ГЭС. Быть может, они хотели этим сказать, что их девиз: только вперед, только вверх, что никогда не позволят они себе отступить ни в жизни, ни в работе.

Впрочем, жизнь для них — это и есть прежде всего работа. Эти юноши и девушки живут и дышат стройкой. Даже здесь, в кафе, каждый может часами рассказывать приезжему о том, куда пойдет энергия Красноярской ГЭС.

Любая официантка — она же инженер, техник или бетонщица на стройке — сообщит вам, что на станции установят двенадцать агрегатов общей мощностью в шесть миллионов киловатт, что она даст самую дешевую электроэнергию.

Но больше всего молодежь Дивногорска, строители Красноярской ГЭС гордятся тем, что первыми дерзнули покорить Енисей. У Дивных гор положено начало освоению энергетических ресурсов богатырской реки, способной производить ежегодно 470 миллиардов киловатт-часов электрической энергии.

* * *

Подшел час отъезда. Мы прощались с Енисеем, с Дивными горами. Прощались ненадолго. Битва на Енисее продолжается. Еще много рубежей придется взять гидростроителям, прежде чем воды сибирского богатыря начнут вращать первые турбины Красноярской ГЭС. Но эти рубежи будут обязательно пройдены. Таковы уж здесь люди — наши замечательные современники.

г. Дивногорск.

ДЕВУШКА С ДАЛЬНОЙ БИРЮСЫ

Елена УСПЕНСКАЯ

Повесть

Они приезжали туда еще три раза. В последний раз конны уже не было, а через их костер проехала телега, колеса отчетливо отпечатались на пепле. Они побывали на берегу только полдня, и Андрей часа в три натянул на Доську пальтишко: «Поедем, холодно, ко мне сегодня поедем».

Доська испугалась и рассердилась. На ней была та же кофточка, в которой она всегда приезжала сюда. Только пуговиц приходилось пришивать потом новые. Терялась то одна, то две. И Доська прятала те, что оставались, в коробку, где лежали дедовы письма.

— Мятая я,— сердито сказала Доська, оглядывая кофточку.

Она отлично понимала, что, будь она хоть какая накрахмаленная и отутюженная, не легче ей будет войти к нему в дом и увидеть старуху.

Андрей хмыкнул:

— Мать к сестре уехала.

Наверное, в сенях было так душно потому, что там валялась еще не нарубленная капуста и пахло сырой мешковиной от мешков с картошкой.

«Прорва какая!» — машинально подумала Доська.

Но Андрей похлопал по мешку, словно по округлому бабьему плечу, и сказал с удовольствием:

— На всю зиму...— И опять загредел связкой ключей.

В зале было еще душнее. Форточки маленькие, а вторых рам, видно, вовсе не выставляли на лето. На столе лежала бархатная скатерть и висели шторы бархатные, с бомбошками. Фикусы стояли немые, и Андрей, пройдя мимо, сунул в землю окурочек. Но Доська вытащила окурочек и несла его в руке: пепельницы в зале не было.

В спальне уже совсем нечем было дышать. Там стояла большая кровать, покрытая тканевым одеялом, и на нем множество углом поставленных подушек. Доська понимала, что в таком доме подушки должны быть из чистого пуха, но эти были, как каменные,— так и застыли углом, без вмятины, без складочки, без морщинки, одна за другой, как на параде. А по стенам стояли шкафы и кованые сундуки.

— Садись,— сказал Андрей.— Сейчас переоденусь.

Он стал выбирать ключи из связки и наконец распахнул шкаф. Оттуда, как облако, вползли в комнату запахи залежавшейся шерсти, меха, нафталина.

— Ч-черт! — выругался Андрей и стал запереть шкаф.— Да садись ты, будь как дома!

Но Доська не могла быть «как дома», и сестра было некуда. Сундуки были закрыты коврами, и Доська боялась сдвинуть ковры с места. Она стояла, зажав в руке окурочек, и молча смотрела, как Андрей переодевается в старый лыжный костюм.

— Пойдем, сад покажу,— наконец сказал он.

Сад был ухоженный: ни одного кусочка невзрытой земли. Только еще дозревали тыквы, большие, холодные, желтые, как луны. Как будто земля была водой и в ней отражалась луна. Под окнами стояли голые стебли мальвы, а внизу — несколько расстрепанных астр. Доська тронула ветку яблони.

— Мичуринская,— сказал Андрей.— Не плодоносит в этом году, а то на всю зиму яблоч хватает, и соленых и моченых. Горько, по-ночному пахло черносмородиновым листом. И Доська стала было приходить в себя. От души отлегло, и она бросила окурочек. Андрей почему-то озлился.

— Туда бросай! — кивнул он в сторону канавы, которая перерезала сад. Поднял окурочек и швырнул на ту сторону, под яблоню, тяжело и щедро осыпанную яблоками. Доська потянулась через канаву к ней, сорвала холодное яблоко и хрустнула им.

— Отрезали, сволочи, полсада! — сказал Андрей, обхватив

широкими ладонями яблоню.— Дорогу к мосту ведут. Так надо же, через наш сад понесло! Я уж и так и сяк с дорожниками этими, три литра поставил, все равно отрезали.— Он отвернулся и тяжело пошел к дому. Доська за ним.

Да, сад жалко. Но ведь она хорошо знала, что в Красноярске не было ни одного человека, который бы, как своего дня рождения, не ждал нового моста. Крайком, горисполком, библиотека, театр — все оставалось здесь, на левом берегу. А правый все рос, рос, туда ехали люди, там строили новые заводы, кинотеатры, детские сады, просторные, с широкими окнами. И Доське иногда казалось, что и люди, которые начали жить сразу на новом, правом берегу, тоже особенные — прочные, глазастые, как их дома. Но новоселы с правого берега не могли ходить в театр или засиживаться в гости, и к ним было трудно ходить в гости: город был обидно разрушен пополам.

Особенно же ждали нового моста шоферы. Они теряли целые часы летом, весной, ранней осенью, пока сводили понтонный мост после того, как пройдут пароходы, и пробирались по этому понтонному мосту медленно, прощупывая каждую половицу. Машин было много, и груз тяжелый — станки, шлакоблочные дома,— а мост очень уж зыбкий. Ведь Андрей сам жаловался ей на это. Тот Андрей, ее муж, близкий ей человек, который так крепился, когда ему было больно, так любил ее и, как все красноярцы, ждал моста.

Андрей, который шел впереди нее и злился на Советскую власть за две яблони и четыре куста смородины, был чужой. Чужой человек, которого вырастила старуха с костлявым лицом, которая научила его даже в больнице не делиться едой с соседом, но накрыла, наверное, богатый стол под те три литра для дорожников. Старуха, которая вырастила Андрея в этом тухлом доме и берегла для него шкафы и сундуки. И дом этот стоял неизвестно где. Ни на правом, ни на левом берегу, а в какой-то впадине, которую необходимо было перерезать, чтобы проложить новую дорогу.

Но Доська знала, что они с Андреем не станут жить здесь. В их комнате будет светло, чисто и можно легко дышать. А из окон далеко виден и левый и правый берег и новый мост.

Единственной жилой комнатой в доме была кухня. На столе, покрытом клеенкой, такой, как у всех, стояли тарелки с огурцами и холодной, поджаренной кусками жирной курицей. Только пахло от нее не лекарствами, а керосином. Старуха, конечно, сэкономила дрова. Они ели, и Андрей зло пил водку и хрустел куриными костями. Наконец он забил про яблоню и посадил Доську на печку. Печка была холодная, давно не топленная, но на ней навалом лежали полусубки и засаленные подушки, и пахло от них старым холодным дымом, почти как от костра утром. И окно в сад было открыто, и Андрей снова был добрый, родной, большой, горячий.

Андрей разбудил Доську в пять часов и сказал, что мать вернется семичасовым, а ему еще надо прибраться. В дверях Доська поежилась: было холодно. На сером рассвете кофточка выглядела очень мягкой, а пуговицы все целые.

— Беги, согреешься, вечером в кино сходим,— утешил Андрей и, оглянувшись, нет ли кого в соседнем саду, поцеловал Доську в прогорклые губы.

Она все еще стояла, соображая, где находится и куда ей идти, а дверь сзади нее захлопнулась, и тяжело лягнула щеколда. Во рту было нехорошо, пахло табаком и одиночеством.

Доська пошла медленно, потом оглянулась. Дверь была заперта наглухо, навсегда.

...Когда на дежурстве Ирина Ермолаевна подозвала Доську

Рисунки П. Пинкисевича.

ку, то впервые не увидела улыбки и поняла, что сегодня Доньке надо точно объяснить, какой именно укол нужен больному, иначе она может что-нибудь напутать. А там, где дело идет о человеке, путать никогда и ничего нельзя.

...И вот Донька на ветру, на палубе, зачем-то плывет на Диксон и скоро пойдет смотреть Туруханск.

Конечно, самым естественным после того, что с ней случилось, было бы поехать к деду. Но именно к деду поехать было совершенно невозможно. Он немедленно понял бы все. Доньке даже хотелось, чтобы он понял, хотелось, наконец, заплакать, уткнувшись в дедову бороду, но вся беда была в том, что дед все равно будет делать вид, что ничего не понял, чтобы не оскорбить ее жалостью. А сам будет мучиться и думать, что с ней случилось гораздо большее, чем было на самом деле. Донька знала, что, как только она поймает испытующий взгляд деда, брошенный на ее живот, она сразу уедет. Все мысли Доньки о семье начинались именно с ребенка. И, кто знает, если бы от ее любви остался ребенок, ей было бы гораздо легче. А так остались только воспоминания, которые надо забыть...

Донька старалась не смотреть на себя, когда мылась и переодевалась. К чему была эта грудь, сильное, здоровое тело, нежные, умелые руки? Кому они были нужны, смятые, брошенные там, на крутом берегу, в стогу сена, под высоким небом, таким равнодушным, каким может быть действительно только небо? Тогда оно казалось низким, благодатным, теплым. И каждая звезда заглядывала Доньке в глаза так близко, что она жмурилась. И тайга была добрая, тихая, теплая и выросла, казалось, только для того, чтобы уберечь ее первую ночь. И Енисей так тихо слизывал песчинки с берега, словно боялся, что она не услышит шепота Андрея и своего частого дыхания. И хвоя, и цветы, и сено пахли только для нее.

И вот все изменили ей: небо, тайга, Енисей.

Они только делали вид, что это ночь ее свадьбы, а на

самом деле отлично знали, не могли не знать — слишком много они видели, — что все кончится одиночеством и горьким привкусом водки и табачного перегара, единственным, что осталось ей от Андрея.

...Теплоход шел к Курейке. Вообще-то Курейки в туристском маршруте не было, но Донька знала, что они там остаются.

Всю ночь перед Курейкой Донька не спала. В Курейке был Сталин. В ссылке. Когда Донька была маленькая, Василий Кириллович рассказывал, что дом Сталина в Курейке стоял на самом обрыве, и ссылку, наверное, он переносил тяжело: южанин, привык к теплу. После рассказов Василия Кирилловича Донька представила себе: стоит Сталин на обрыве перед домом, курит трубку и смотрит на ледоход, и льдины ломаются, громоздятся одна на другую, словно солдаты идут в атаку бороться за чистую воду. А потом, после двадцатого съезда, Донька все думала, как же это такой человек стал несправедливым к людям, жестоким. Но до конца понять этого не смогла. Очень уж привыкла любить его. Хотелось поговорить с Василием Кирилловичем, но его давно уже освободили и вызвали в Москву, еще до того, как дед отвез ее в Красноярск. И дом его так с тех пор и стоял темный, заколоченный. А вокруг уже разрослась трава и дикая малина.

За эту ночь Донька совсем себя изгрызла. У деда сейчас никого, кроме Афанасия, не осталось. И если она и в этом году не поступит в институт, придется возвращаться в райцентр медсестрой. Больше так далеко жить от деда она просто не имеет права.

Только как сказать об Андрее деду? Ну, не получилась личная жизнь, что же теперь поделаешь!

...Донька первая взбежала на берег, едва спустили сходни, и увидела высокий песчаный обрыв. Дома на горе не было. Донька оглядывалась, становилась на цыпочки, все равно не было дома, и все.

Когда все вышли, то полезли вверх, по обрыву. Лезть

было трудно, песок сыпался из-под ног. В глубине, далеко от реки, стоял памятник, а сзади громадный дом, весь из стекла. Нигде — ни в кино, ни на фотографиях, ни в самом Красноярске — не видела Доська такого дома. Вошли внутрь. В центре стеклянного дома стояла изба и казалась совсем маленькой, хотя была такая же, как все обыкновенные избы. В дом входить нельзя, а только заглядывать в окошко. Дом с обрыва давно перенесли, так как не верили в прочность обрыва, и бревна в доме сменили, чтобы сохранить. Дом этот был словно пустой орех: одна скорлупа, а если раскусить, — внутри горьковатая пыль.

Чтобы разобраться в своих мыслях, Доська пошла на обрыв. Что же произошло с этим человеком, который стоял когда-то, молодой, смелый, здесь, на обрыве, курил трубку и смотрел на ледоход? Что же произошло с ним, с человеком, которого так любили близкие Доське люди и она сама? Ведь тогда, когда он, молодой, смотрел на ледоход, он, наверное, давал себе слово, что проживет всю жизнь, как начал, для других. Как же вышло, что начал верить наветам, погубил столько людей, позволял тратить деньги на памятники, словно был уже мертвый...

И вот теперь все молча ходят вокруг памятника и дома. Доська долго смотрела на воду... Пусть она маленькая, но ведь таких много, и все вместе они сделают все как надо. Лично ей для этого надо пока что не так уж много — сдать физику и забыть несчастную любовь.

На крутой горе одна из женщин поскользнулась и упала. К ней подбежал муж, и лицо у него было такое испуганное, словно она попала под поезд. Доська глянула на худенькую женщину с лютой завистью.

Кругом Доськи на теплоходе ехало много любвей. Любви эти были разные. Путевые, быстрые, потому что, как ни медленно шел теплоход, сроку все равно было две недели. И любовь каких-то пожилых людей. Зачем им любовь? Им же лет по сорок. И любви, которые Доську оскорбляли, потому что это была не любовь, а плохая, лживая игра. Ей было стыдно смотреть в лицо девушке, которая ночью высказывала из каюты: там ехал какой-то отъезжий тип. Впрочем, самой девушке было совсем не стыдно, потому что как-то

ночью она остановилась против Доськи, щелкнула пальцами и сказала: «Ты что время теряешь, дура?» — сыто потянулась и пошла дальше.

Тогда ей почему-то вспомнилось, как Андрей пробил голову таймену. Первое грустное, что осталось от ее любви, — тот таймень, которого Андрей поймал и убил зря, а потом бросил на берегу.

Любовь худенькой женщины — Ларисы — и ее мужа была той самой, единственной любовью, о которой мечтала Доська. Подумать только, ей ведь тоже когда-то казалось, что она и Андрей уедут куда-нибудь вместе и он будет все время с ней так же, как муж этой Ларисы, оберегать ее, словно она хрустальная. Доська никогда не чувствовала себя хрустальной, но все-таки приятно. На людях Лариса и муж только иногда держались за руки, и в этом тоже было что-то хорошее. И Доська, глядя на них, вспоминала, что к концу их любви Андрей прижимал ее к себе на людях, на улице, в кино и держал за плечо так хватко и жадно,

как тогда, в тот вечер, яблоню. Только от яблони он ждал плодов.

Теплоход уже отошел от Курейки. Доська лежала в своей каюте, идти куда не хотелось: еще увидишь эту хрустальную, совсем с ума сойдешь от зависти. Радист Петька опять поставил «На сопках Маньчжурии», а от этих самых «сопок» у Доськи обязательно перехватывает горло. Но музыка вдруг прервалась, и незнакомый голос сообщил, что имеющих на теплоходе врачей и медработников просят пройти в медпункт.

Около медпункта стоял крутой синий дым, и спиной к Доське курил муж хрустальной Ларисы. Молоденький врач смущенно объяснял, что он по уху, горлу, носу и пошел в рейс только потому, что капитан обещал ему, что в рейсах тяжелых случаев не будет, а на всех стоянках есть больницы. В соседней каюте глухо стонала Лариса. В медпункте толклось много растерянного народа, но Доська, выяснив, что никто из них отношения к медицине не имеет, вытолкала всех в коридор. Лариса сидела на высокой койке, держась обеими руками за еще худенький живот, и всячески пыталась найти то положение, при котором хоть на минуту отпустит боль. «Три с половиной», — сказала она, испуганно глядя на Доську, и тут же съежилась от боли. Видимо, надо было сразу же разворачиваться обратно на Курейку... Но в это время за дверью послышались прочные шаги, и на пороге появился Вадим.

— Так, так, — сказал он опытным голосом, — нечего было прыгать. Так-то, Ларочка. Ну, ничего. — И вопросительно, словно впервые, глянул на Доську.

Доська обиделась.

— Освободите медпункт, — жестко сказала она. — Танцы кончились.

За спиной Вадима возник испуганный «уху, горло, нос» и спросил:

— Как думаете, Вадим Константинович?

— Поглядим, — сказал Вадим и пошел мыть руки.

— Вы кто? — обернулся он к Доське.

— Сестра из травматологического, — ответила Доська и, приподнявшись на цыпочки, подала ему накрахмаленный, белоснежный халат.

— Сойдет, — сказал Вадим и прибавил: — А я хирург с пятого курса. Положите больную поудобнее, поглядим.

Лариса послушно укладывалась под Доськиными руками и вдруг заплакала отчаянно.

— Доктор, сберегите маленького, ведь это второй раз, второй...

— А ты прыгай больше, — сказал Вадим, и по его лицу Доська поняла, что дело обстоит неважно.

— Ну что ж, танцы действительно кончились, — констатировал Вадим и велел «уху, горло, носу» закрыть двери, а Доське вымыть руки и надеть халат.

В одиннадцать часов вечера Вадим Константинович начал операцию. Потом он сел возле Ларисы, а Доська с нестерпимой жалостью и болью взглянула на окровавленный комок плоти: из него должен был вырасти человек, которого так ждали на земле! И перед этим все собственные беды отступали и казались не такими уж серьезными.

Последние трое суток пути ни Вадим, ни Доська почти не выходили из каюты. Лариса была очень слаба, а главное, все плакала и жалела ребенка. Муж утешал ее, хотя было видно, что этот второй неродившийся ребенок почти не под силу им обоим. Но было ясно и другое: за эти три дня они стали уже такими близкими людьми, словно прожили вместе двадцать лет. А в то же время они были еще очень молоды — грусть их была нежная, чистая, и Доська чувствовала, что подле них она сама делается лучше. И Вадим был какой-то совсем новый, тоже словно промытый этой грустной, светлой любовью и осторожной нежностью.

Оказалось, что Вадим поехал затейником, чтобы бесплатно отдохнуть, но откровенно признался Доське, что никогда не думал, как это трудно. «Сплошные стадные инстинкты, — сказал он Доське доверительно. — Словно я ихний пастух. Но вся беда в том, что всем овцам или коровам нужна одна и та же трава, а отдыхающим — совершенно различная духовная пища».

Она была им нужна даже сейчас, но Вадим забастовал и сообщил капитану, что туристы могут «пасть» сами. А он действительно очень устал в эти дни, волновался, как они доведут Ларису до Красноярска.

За эти три дня Доська поняла, что с ним можно было поговорить про деда, про Бирюсу и работать с ним хорошо, на-

ЖДУТ ВАС ОРБИТЫ

Девушки, девушки,
Русые косы,
Милые наши красавицы русские!
На марсианских загадочных плесах
Скоро следы вы оставите узкие.
Скоро увидите лунные кратеры,
Глыбища скал, растворенных во мраке...
По вздыбленным льдам,
Словно дома на скатерти,
Вы разбросаете красные маки.
Лучшие звезды дальних галактик
Космос отдаст вам:
— Нате, владейте!
Но у него ненадежный характер,
Вы не ему,
А Земле своей верьте.
Вас испытала она центрифугами,
И невесомостью,
И перегрузками...
Ждут вас орбиты, как обруч, упругие,
Девушки русые,
Девушки русские!

Оставляла от каждой полочки,
Экономила —
Как же иначе? —
Чтоб костюм себе справить получше,
Чтобы платье надеть побогаче.
...В магазине шелка неспесивые
За шершавые пальцы цепляются:
— Мы и ноские,
Мы и красивые,
Выбирай,
Выбирай нас, красавица!
Для тебя,
Для тебя — это точно,
А не для белоручки-франтихи,
Строгий план выполняя досрочно,
Ткали нас мастерицы-ткачихи...

У РАССВЕТА СОСНЫ РОЗОВЫ...

У рассвета сосны розовы,
А у вечера —
Красны.
Пили светлый сок березовый
Мы на празднике весны.
Шли, держась с тобою за руки,
Избегали троп глухих.
Я плела венки из таволги
И в Тобол бросала их.
В струи белые, кипящие
Окунала их вода...
— Это все не настоящее, —
Говорила я тогда.
— Это все еще
Преддверие,
Встреча краткая в пути...
Ты за глупое неверие
Хоть теперь меня прости!
Жаль, что ветки шелестящие

Новые стихи

Я рвала,
Не берегла.
Жаль, что чувство настоящее
Угадать я не смогла...

Рисунки В. Рассохина.

Если сердце твое затоскует,
Беспричинно я вдруг загрущу.
Будто ветер нежданный задует
В одиноком зимовье свечу.

Выйду в ночь,
А луна в три обхвата.
Мир снегов молчалив и суров.
Ветви кедров темны и покаты,
Словно крылья уснувших орлов
И с такой нестаряющей новью
Образ твой замаячит вдали!
Хочешь — нежностью,
Хочешь — любовью
Это чувство мое назови!

дежно. На минуту ей стало неясно, из-за него или из-за того, что она была нужна Ларисе, уже трое суток ей удавалось почти совсем не вспоминать Андрея. Она спросила Вадима, где он работает сейчас, и он счастливым голосом ответил: «А я на том берегу. Операционная какая!»

Вечером подходили к Красноярску. Издалека было видно, что понтонный мост разведен, и по обе стороны Енисея молча, тупо уставясь непогашенными фарами, как коровы перед железной дорогой, стояли машины. Новый мост был ярко освещен голубым светом сварки. За то время, что они ходили на Диксон, мост, казалось, ничуть не вырос, и полукруглая лапа пролета все еще висела в воздухе, занесенная высоко над водой. И до правого берега было еще очень далеко. А Вадим ушел на правый берег. И мальчики со щенятами, прощаясь с Донькой, сообщили ей, что они тоже с того берега. Донька погладила щенят. Вот они за две недели здорово выросли!

...На другой день вечером Донька приняла ночное дежурство. Когда больные уснули, она присела у своего столика под зеленой лампой, привычно прислушиваясь к дыханию больных. Потом снова встала и бесшумно обошла палаты, в которых кто-то стонал. Она еще не знала этих больных, не знала, кто из них мог застонать во сне. Потом она подошла к окну. Было грустно и одиноко, но Донька понимала, что и вода, и свежий воздух, и неторопливое движение теплого и добрые люди вокруг смыли с нее ту нестерпимую горькую нечистоту, которой кончались их любовь с Андреем. Донька села к столу и стала перечитывать письмо от деда.

Оно утешило Доньку. В их деревню приехала целая геологическая экспедиция, и все пустые избы, и ту, где жил Василий Кириллович, расколотили, в них стало светло, шумно, весело. И Доньке стало поспокойнее, что вокруг деда хорошие люди. Она только очень боялась, что вдруг геологи

откроют все, что надо, раньше, чем она окончит институт, и уедут, а избы опять останутся пустыми.

Кроме того, дед сообщал Доньке, что забрели к нему на днях три студента, которые приехали из Москвы на строительство. Двое подходящие, а третьего везли так далеко зря. У Доньки создалось определенное ощущение, что дед приглаждается к студентам неспроста, из-за нее. Значит, ничего про Андрея не знает.

Кто-то тихо позвал: «Сестричка, Донюшка!»

Хотя имя у нее было непонятное, больные быстро и охотно привыкали к нему. Один больной, старый, лет сорока, сказал, что в их местах так называют дочек, а тронул ее по плечу не по-хорошему. Это Доньке не понравилось. Да и разговор был ни к чему. Ведь ничьей дочкой она так и не успела в общем-то побыть. А с самого начала была только внучкой. Мама была слишком молодая, и она звала ее Машей.

А другой больной сказал ей, что есть такая трава — донник и что сама она похожа на травинку — тоненькая, крепенькая и живучая. А донник — трава всем знакомая, душистая и полезная. Ладно, травинка так травинка. Ведь вся земля искрошилась бы и пошла трещинами, если бы не держали ее цепкие корни трав, цветов, кустарников...

...Загорелась лампочка над третьей палатой, и Донька побегала туда. А потом снова смотрела в окно. На Енисей. На мост. Скоро он положит свою широкую голубую руку на правый берег. Стояла глубокая ночь, а дорожники обкатывали ту самую дорогу к мосту, которая отрезала кусок сада Андрея. И его дом стоит теперь ни на правом, ни на левом берегу.

А дальше, хоть и не видно, тоже работают люди, строят плотину Красноярской ГЭС, чтобы отгородить от нее прошлое. И уже никогда нельзя будет от Красноярска на лодке проехать до той лужайки, где была свадьба.

БЫСТРО, ВКУСНО, ДЕШЕВО!

Есть на Горьковском автозаводе цех, который не производит деталей автомашин, не занимается их отделкой и сборкой. Но от работников его во многом зависит, с каким настроением будут трудиться токари, слесари, кузнецы, механики. Речь идет о «цехе питания», о поварах заводских столовых.

Несколько месяцев назад этот коллектив взял на себя обязательство работать так, чтобы каждый автозаводец уходил из столовой довольным.

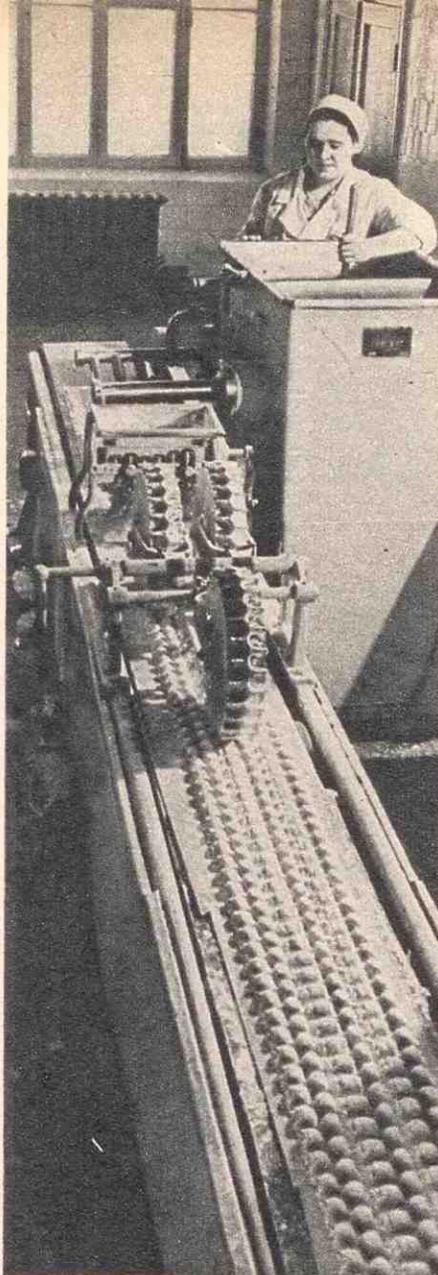
Как же добиваются этого повара? Начнем рассказ с фабрики-заготовочной. Чтобы понять, какую огромную роль играет это предприятие, вспомним, как много хлопот доставляет хозяйкам обработка продуктов для приготовления обеда. Сколько времени тратится на то, чтобы очистить, скажем, мясо от пленки, разрезать его, отделить от костей!.. Или с рыбой сколько возни, или с картофелем, овощами! Так это для небольшой семьи. А если к столу придут десятки тысяч человек?

Вот и решили в Автозаводском тресте столовых освободить повара от «черновой» работы, снабжать столовые чистеным картофелем и овощами, готовыми котлетами, шницелями, рагу, очищенной и нарезанной на порции рыбой. Все эти полуфабрикаты для столовых завода готовит фабрика-заготовочная. Там с помощью механизмов ежедневно перерабатывается 7 тонн мяса и рыбы, 20 тонн картофеля и овощей. Подумайте, сколько на это потребовалось бы рабочих рук! Можно было, конечно, механизировать эти работы на каждой заводской кухне. Но горьковчане подсчитали и решили: будет значительно экономнее сосредоточить их в одном месте — на фабрике-заготовочной.

Здесь освоили производствопельмений, и теперь ежедневно в столовые поступает их до полутора тонн. А это семь с половиной тысяч порций! Огромный спрос на вареники. И рационализаторы соорудили новый автомат, теперь не надо лепить вареники вручную.

Каждый день в экспедицию фабрики-заготовочной поступают заказы от столовых. А назавтра ранним утром в рейс по столовым направляются автофургоны с полуфабрикатами.

У каждой хозяйки есть обычно свое излюбленное блюдо, которое она мастерица готовить, которым рада попотчевать гостей. Так вот и столовые автозавода стараются блеснуть своими фирменными блюдами. Придете вы в столовую № 32 самого крупного на автозаводе механосборочного цеха, повар Александра Тимофеевна Поляева обязательно предложит отведать борщ с пампушками. Борщ золотистый, наваристый, а к нему подаются две пышные, с хрустящей корочкой булочки,

— Кушайте на здоровье! — Тамара Ивановна Таланова — бригадирпельменного цеха — щедро угощает автозаводцев отличными сибирскимипельменями.

ки, политые чесночным соусом. Стоит это кушанье всего 13 копеек.

В столовой № 19 вам подадут жаркое по-домашнему, которое здешние повара готовят в маленьких горшочках и прямо в них подают к столу. Захотите рыбу — вам посоветуют пойти в столовую № 44. Не подумайте, что блюда из рыбы готовят только там: в каждой столовой автозавода вы найдете и рыбный суп и рыбу жареную или под маринадом. И все-таки запеченная в сметане камбалу никто так вкусно не готовит, как повара сорок четвертой. Тридцатая славится своими сочными с картофельной начинкой, пятнадцатая — овощными крокетами «Дружба».

...Длинный, покрытый белоснежной скатертью стол уставлен закусками, кондитерскими изделиями. Здесь и различные салаты, и заливная рыба, холодная телятина, булочки, пирожки. Тут и чай и кофе. Подойдите к столу, выберите, что по вкусу, и расплатитесь: деньги опустите в копилочку, которая стоит тут же на столе. Такой метод об-

служивания посетителей первой применила столовая № 40, а сейчас уже и в других есть «скатерти-самобранки».

У кулинаров стало хорошей традицией заботиться о домашнем праздничном столе своих постоянных посетителей. По субботам и в предпраздничные дни в столовых устраиваются выставки-продажи. Здесь вы можете купить холодец, красиво оформленные салаты, паштет и заливную, фаршированную рыбу, аппетитно зажаренного гуся, утку. А какой там выбор тортов, пирогов, печенья! И по цене вполне доступно.

В Социалистическом городке автозаводцев несколько домашних кухонь. Там можно каждый день брать горячие обеды, можно заказать любые блюда к семейному торжеству. Если вы предпочитаете сами приготовить обед, вам эту задачу облегчат магазины полуфабрикатов. Здесь есть наборы для борща, рассольника, щей. Все уже нарезано, очищено, принеси домой, помой и клади в кастрюлю. Большой выбор вторых блюд, к ним различные гарниры.

В одной из витрин разложено все для пирогов: тесто — дрожжевое, слоеное, песочное и начинки — мясной фарш, рис, капуста. Снабжает магазины полуфабрикатами та же фабрика-заготовочная.

Пирожные, печенье, пышный, похожий на каравай пирог с кремом, знаменитый слоеный пирог «автозаводский», корзиночки с маком, которые так любят ребятишки!.. Их выпускает кондитерский цех, который возглавляет коммунистка Инна Александровна Воронина. Этому цеху присвоено звание коллектива коммунистического труда.

Хорошие заботы, благородные хлопоты у работников цеха питания!

Полина БЫХОВСКАЯ

г. Горький.

В каждом деле нужно искусство. Начальник цеха коммунистического труда кондитер Инна Александровна Воронина передает свои секреты молодежи.

Фото В. Бородина.

Как вас обслуживают?

ЗА ПРИЛAVКОМ ДРУЗЬЯ

Директор магазина детской одежды торгова «Мосодежда» испытующе посмотрела на девушку. Тоненькая фигурка, большие серые глаза и милое выражение ожидания на детском лице понравившись Екатерине Георгиевне Выборновой.

— Значит, из техникума и прямо к нам? — спросила она.

— Да, — тихо ответила девушка.

— На практике были?

— Была.

— С работой знакомы, стало быть?

— Знакома.

— Хорошо. Мария Кузьминична, — обратилась она к пожилой женщине, — возьми девушку в свой отдел. Знающий работник тебе будет очень кстати.

— Конечно, — согласилась Мария Кузьминична. — Тебя как зовут, девонька?

— Еремина Валентина. А зовут кто Валей, а кто Тиной.

Уже на следующий день около отдела, где работала Валя-Тина, было больше покупателей, чем около других отделов. Все продавщицы с любопытством наблюдали за работой новенькой.

А в это время в кабинете директора заведующая отделом Мария Кузьминична рассказывала:

— Наша Валя — прямо клад. Ты только послушай. Вот стоит она за прилавком. Подходит женщина с девочкой лет четырех-пяти. Валя ей: «Здравствуйте, гражданка. Вы что хотели купить?» Женщина от неожиданности смутилась, а потом улыбнулась и тоже ей: «Здравствуйте, девушка!» И объясняет, что, дескать, платьишко надо подобрать дочурке на лето — хорошее и чтобы стоило недорого. «Пожалуйста», — отвечает Валя, выходит из-за прилавка и спрашивает девочку: «Как тебя зовут, маленькая?» И повела за руку, а ее матери говорит: «Идите, сейчас мы вашей Зиночке подберем такое платьице, что...» Прошло, ну, десять минут. Смотрю, женщина Вале жмет руку и говорит: «Спасибо, милая, за хорошее, недорогое платье. В следующий раз обязательно к вам придем». А та в ответ: «Вам спасибо, что зашли. Мы покупателям всегда рады. До свидания!»

Потом еще пришла женщина с ребенком. И снова все повторилось: зайдем, мол, и спасибо за товар. И с третьей и с четвертой то же. И ни одна покупательница без покупки от Вале не ушла. Заметь, ни одна! Мне это понравилось. Интересно, думаю, как девчата на это реагируют? Спрашиваю, а одна озорница сделала такое сладенькое лицо и: «Здрасьте! Пожалте! Заходите!» Если мы, говорит, всем «здрасьте» говорить будем да реверансы делать, и вовсе план не выполним. Ну, и досталось ей от девчат, такой галдеж подняли!.. Правильно, говорят, Валя работает, много мы болтаем о культурной торговле, да мало делаем. А потом некоторые из девчат хоть и робко, но стали встречать покупателей, как Валя.

К концу дня выяснилось, что план реализации за этот день выполнен.

Вскоре состоялось собрание коллектива магазина, на котором обсуждался вопрос о культуре торговли.

— Раскрой свой секрет, — попросил Валю кто-то из продавцов.

Валя смутилась:

— Никакого секрета нет. Меня дома и в школе учили уважать людей. Что же удивительного, что я здороваюсь с покупателями? Когда люди встречаются, они всегда приветствуют друг друга. А покупатель услышит приветствие и поймет, что его уважают, и сам с большим уважением отнесется ко мне. Если покупательница пришла с ребенком, я сразу определяю, что лучше пойдет ему, какого фасона и цвета платье, костюмчик или пальто. Уходят с обновками и грозятся, — со смехом закончила Валя, — опять прийти, да не одни, а с соседками или знакомыми.

— Кое-кто все-таки уходит без покупки, — не могла не съязвить та же озорница.

— Верно, когда нет подходящего товара, уходят, — не смутилась Валя. — Я даю им номер телефона директора, чтобы могли справиться, прибыл ли нужный им товар. Кроме того, записываю их адрес, а когда товар приходит, сообщаю открыткой. Труд и расход невелики, а радости сколько! И выполнение плана идет вверх.

На этом собрании состоялся открытый разговор о том, что кое-кто забывает принципы советской торговли, а надо постоянно помнить, в какое время мы живем, с какими людьми имеем дело, чему служим...

— А кто-то из вас Валю назвал чудачкой, — укоризненно заметила директор Екатерина Георгиевна. — Человеком надо быть, стоя за прилавком. Так-то вот...

Евг. ДЗАМПАЕВ
Москва.

«НАМ ОБИДНО»

Читаем мы в журнале «Работница» о том, что в Москве и во многих других городах появляются замечательные службы быта, которые освобождают женщину от изнурительного домашнего труда. А вот у нас в Чебоксарах мало об этом думают, и нам обидно. Принесем белье из комбината бытового обслуживания, а оно серое, непростирванное, с подтеками. Вот и приходится нам дома гнуть спину над котлом.

Мало у нас и магазинов, где можно было бы заказать продукты. Мы много времени тратим в очередях, чтобы купить самое необходимое. Правда, за последнее время появились столы заказов в некоторых магазинах, расположенных в центре города. А в нашем рабочем поселке Электроаппаратного завода ничего подобного нет. Да и не все купишь у нас. Не всегда бывает, например, молоко. Разве это порядок — заставлять нас, работающих женщин, бегать по городу в поисках молока!

А ведь можно наладить продажу самых необходимых продуктов в часы, когда кончаются рабочие смены на заводе. В нашем городе мало об этом думают. И женские советы у нас плохо работают. Как было бы хорошо, если бы они взяли торговлю под свой неослабный контроль!

Е. СОЛДАТОВА, А. АЛЕКСЕЕВА, В. НЕСТЕРОВА
(всего 14 подписей).

г. Чебоксары,
Чувашская АССР.

«ШЕЙТЕ САМИ»

Швейные ателье, расположенные на проспекте 40 лет Октября и на улице Салютной, открылись совсем недавно, но киевлянам они уже хорошо известны. На первый взгляд здесь все как обычно: низенькие столики с журналами мод, зеркала примерочных, манекены, хорошее освещение рабочих мест. Но вместо профессиональных портных за машинами сидят сами заказчицы. Вот поэтому-то ателье и называются «Шейте сами». В спокойной, уютной обстановке можно быстро сшить летний сарафан, пошить белье детворе или потру-

диться над сложным фасоном нарядного платья.

Неуверенная в своих силах, начинающая портниха получит здесь квалифицированный совет художника-модельера, ее научат правильно кроить и экономно раскладывать ткань.

Прокат машины и оплата консультаций производятся по установленному прейскуранту.

Новая форма общественного быта радует киевлян.

Г. ГЛУЗМАН
г. Киев.

Добро пожаловать! В этом ателье вам помогут выбрать фасон, покроить и приладить по фигуре платье. А сшить — это уже поддела: здесь к вашим услугам швейные машины.

Фото С. Белозерова.

ПРЯМОЙ РАБОЧИЙ РАЗГОВОР

Обсуждаем статью «А целой цепи нет».

Группа работниц проволочного цеха завода «Москабель».

Почти пять лет прошло с начала соревнования бригад коммунистического труда. В жизнь заводов, фабрик, строек это соревнование принесло много перемен. Одна из самых примечательных таких перемен — укрепление товарищества и дружбы. Эти привычные всем понятия стали более емкими. И в самом деле, дружба в рабочих коллективах как бы расцвела, из цехов перешла и в квартиры и в комнаты общежитий. Уже для многих бригад, смен, цехов заповеди морального кодекса строителя коммунизма стали естественной нормой поведения. И если в каком-нибудь коллективе, завоевавшем звание коллектива коммунистического труда, законы дружбы почему-либо нарушаются, это вызывает беспокойство. И не удивительно: ведь именно на передовые бригады, участки равняются все рабочие, у них учатся жить и работать.

Вероятно, поэтому наших читателей и взволновала опубликованная в № 3 «Работницы» статья «А целой цепи нет», в которой говорилось о том, что среди работниц одного из участков ленинградского завода «Светлана» нет настоящей дружбы. В цехах многих заводов и фабрик эту статью читали вслух и тут же обсуждали.

В проволочном цехе тонкого волочения завода «Москабель» такое обсуждение прошло бурно.

Два года назад этому цеху одному из первых на заводе присвоили звание коллектива коммунистического труда. Жизнь в цехе изменилась, стала полнокровнее. И не только потому, что люди работают теперь с большей выдумкой и старанием и выпускают продукцию сверх плана. Многие взялись за учебу, многие посвящают себя общественной работе. А недавно у работниц появились подшефные — ученики 7-го класса «А» 410-й столичной школы.

Казалось бы, все идет хорошо. Но прочитали статью о светлановцах, огляделись вокруг и заволновались: а у нас как, все ли в порядке? И разговор пошел вовсе не о том, что сделано, а о том, с чем нельзя мириться.

Вот о чем говорили в тот день в красном уголке цеха.

ЛИДИЯ ВОРОПАЕВА (волочильщица). Я двадцать лет работаю в цехе. Мне легко сравнивать. Раньше мы были «единоличниками». Каждый брал заготовки только себе. Пускал свои три станка и отгораживался ими от цеха. Что делается у соседа, как будет работать сменщица — никого не трогало.

Сейчас все иначе. Если поступили заготовки, мы обязательно прибережем катушки и для сменщицы. Не хватает заготовок, кто-нибудь скажет: возьми у меня запасную. Увидит работница, что соседка мучается со станком, непременно поможет наладить.

Люди потеплели, внимательнее стали, и работаете всем лучше. Производительность у нас намного выросла. И все-таки слушала я статью и думала: а разве мы не проходим мимо недостатков? Вот у Гориной в бригаде бывают бракованные катушки. Знаем об этом? Знаем. Может бригада работать лучше? Может. Но мы ни разу все вместе по-настоящему не поговорили о том, как уменьшить процент брака, и не помогли бригаде. Станки иной раз стали получать от сменщиц грязные. Поворчишь-поворчишь, на этом все и кончается. Разве это дело?

ЕВДОКИЯ СЕДОВА (мастер). Помните, какие мы были гордые, когда нам присвоили почетное звание? Все стали более подтянутыми,

сидели за собой, за товарищами. А сейчас привыкли, что ли, к званию, в обыденность это вошло, и некоторые словно забывают стали о нем. И в нашей смене есть работницы, которых ничто не интересует, кроме плана и зарплаты. Поодиночке мы говорили с ними, да все без толку. Теперь я понимаю: надо было поставить их лицом к лицу со всей сменой.

Сегодня такой разговор, что я обязательно хочу сказать об одном большом грехе. Кое-кто из работниц подменяет готовые катушки. Берут на участке крутки хорошие, а ставят туда бракованные. Как же можно идти на такой обман?

ЗОЯ ЯКОВЛЕВА (волочильщица). Честно скажу. Было такое. Я тоже меняла. Видела, как другие делают, ну, и меняла. Даю слово: больше это никогда не повторится. И другим не позволю. Да я уверена: теперь никто этого и не сделает.

НИНА УСТИНОВА (волочильщица). В статье написано, как шептуньи мешают жить и работать. У нас такое тоже бывает. Соберутся, особенно в раздевалке, и перемывают косточки друг другу. Кто-то настроил против меня мою ученицу. Я ей все передавала, что умею, что знаю, а она теперь дерзит, иной раз и обидит. Работать с ней стало очень трудно. Кому и зачем это нужно?

Пересуды портят людям настроение, подрывают доверие друг к другу. Если чем недоволен, говори прямо в лицо, а не за спиной.

ШУРА ЖУКОВА (волочильщица). Мы еще больше должны помогать друг другу свои характеры переделывать. У меня раньше характер был ужасный. Чуть так — ссора. А теперь помогаем одна другой, и на работу приятнее стало ходить! Да и стыдно ругаться, раз работаешь в передовой бригаде.

Я учиться не хотела. «Зачем? — думала. — И так заработаю». Меня подруги долго убеждали. Наконец пошла в техникум. И учиться теперь уже не брошу. Во-первых, поняла, как это важно. А еще перед товарищами неудобно. Все интересуются, спрашивают.

Два часа шло обсуждение. Слушала я работниц и думала: только в коллективе, где люди требовательны к себе и другим, уважительно относятся к словам товарищей, не остаются безразличными к делам, нуждам, тревогам всего цеха, возможен такой откровенный, порабочему прямой разговор, начистоту. Видно, в коллективе передового цеха «Москабель» заложен прочный фундамент товарищества.

Конечно, вылепить, ограничить человеческий характер куда труднее, чем самые твердые алмазы, которыми пользуются при волочении проволоки. Но важно, что ведется борьба против дурных привычек, за то, чтобы все члены коллектива стали такими, какими они обязались стать, вступая в соревнование за коммунистический труд.

Л. МАРГОЛИНА

Москва.

НАВСТРЕЧУ ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ ЖЕНЩИН В МОСКВЕ

Близится день, когда гости из разных стран съедутся в нашу столицу. Повсюду женщины с нетерпением ждут открытия конгресса, желают ему большой удачи. Это понятно: женщины горячо интересуют вопросы, которые будут обсуждать конгресс.

Доклад «Международная Демократическая Федерация женщин в борьбе за мир, национальную независимость, права женщин и счастье детей» сделает Эжени Коттон — председатель МДФЖ. О борьбе за права женщин в обществе и семье будет говорить представительница национальной организации Италии. Член делегации японских женщин выступит с докладом «Женщины — за мир, разоружение и дружбу между народами», представительница женщин Африки — «Борьба женщин за национальную независимость». «Здоровье, образование и воспитание детей и молодежи в духе мира, демократии, прогресса и дружбы между народами» — тема доклада делегатки из Кубы.

Короткие сообщения, которые мы сегодня печатаем, рассказывают о том, что делают женщины для конгресса.

АВСТРАЛИЯ. Уже отправился в далекое путешествие в Москву подарок австралийских женщин. Они приготовили для участников конгресса чудесные пушистые сувениры — фигурки медвежат «коала» и кенгуру.

МАРТИНИКА. Секретарь Союза женщин Мартиники Р. Никола пишет из города Фор-де Франса: «С радостью ждем конгресса. Очень хотим присоединить свой скромный голос к голосу тех, кто выступает за сохранение мира во всем мире».

ШВЕЦИЯ. Союз женщин Швеции организовал сбор средств, чтобы помочь женщинам слаборазвитых стран послать свои делегации на конгресс.

ШВЕЙЦАРИЯ. Федерация швейцарских женщин за мир и прогресс пишет в Комитет советских женщин:

«Рады сообщить вам, что у нас уже формируется делегация на конгресс. Местные секции федерации проводят базары, вечера с лотереями, чтобы обеспечить средствами поездку в Москву. Одна только мысль о Всемирном конгрессе женщин вызывает огромное воодушевление, и мы легко получаем необходимую поддержку».

ГРЕЦИЯ. Решено послать на конгресс известных общественных деятельниц различных политических направлений.

БОЛГАРИЯ. Печать, радио, телевидение рассказывают о предстоящем конгрессе. Готовятся плакаты и стенды. В начале июня Национальная конференция женщин избреть членов болгарской делегации. Художественные мастерские готовят подарки — вышивки, керамику, брошки, ожерелья.

ИНДОНЕЗИЯ. Президент Сукарно выразил поддержку конгрессу и сказал, что правительство окажет финансовую помощь женской индонезийской делегации.

ЭКВАДОР. Революционный союз женщин Эквадора и Демократический союз опубликовали на страницах женского журнала анкету с просьбой к читательницам поделиться своими мыслями о конгрессе.

ВЕНГРИЯ. Национальный совет венгерских женщин вместе с Союзом венгерских художников подготовили международную выставку на тему «Женщина во второй половине XX века». Журнал «Нек Лапья» открыл на своих страницах дискуссию: «Как пользуется своим равноправием женщина в нашей стране».

КАНАДА. В Ванкувере создан Комитет женщин за всемирную дружбу, который решил послать своего представителя в Москву.

США. Председатель чикагской группы движения «Женщины, боритесь за мир» Лулла Саффорд в письме Комитету советских женщин сообщает, что группа примет участие в конгрессе.

КОНГО. Союз конголезских женщин пишет, что формируется делегация из 5 человек. Конголезские женщины хотят после окончания конгресса познакомиться с жизнью советских женщин и детей.

БУРУНДИ. Гостившая в СССР по приглашению Верховного Совета СССР королева Бурунди г-жа Мвами Казе Тереза Каньона посетила Комитет советских женщин и заявила, что женщины ее страны хотят принять участие в конгрессе.

ЖДЕМ ГОСТЕЙ

Только в марте — апреле женщины Ленинграда внесли в фонд мира 27 340 рублей. Эти деньги они получили от проведения вечеров, концертов и спектаклей в клубах и Домах культуры.

* * *

Ковровщицы Ленинка на подарок конгрессу изготавливают большой ковер с изображением матери и ребенка на фоне цветущего сада. По замыслу женщин их работа будет говорить людям о счастье, красоте природы, о материнстве.

Работницы текстильной фабрики собрали 144 рубля в фонд мира для проведения конгресса.

* * *

Женщины Еревана начали посадку парка, который они назвали «Дружба женщин мира».

Армянская студия документальных фильмов готовит короткометражный фильм «Армянские женщины».

* * *

Врач больницы подмосковного города Шатуры Татьяна Ивановна Щепетильникова внесла в фонд мира для конгресса 300 рублей. «Мой сын погиб на фронте во время Отечественной войны, — пишет она в письме. — Верю, что конгресс поможет нашей общей борьбе за мир».

* * *

Работницы Кунцевской художественно-галантерейной фабрики готовят оригинальные бусы из косточек персиков, а также красивые крепдешинные платки. Сюжеты рисунков различны: дети, солнце, небо, единение женщин, полет в космос.

* * *

Веселые, нарядные коробки для кондитерских изделий начал выпускать к конгрессу Московский комбинат продовольственного оформления. На одном из рисунков, например, изображены березка, пальма и бамбук, напоминающие о дружбе женщин разных стран и континентов.

Около одного миллиарда детей на земном шаре страдают от голода и болезней. Половина детей и подростков растут неграмотными.

Станция назначения — лагерь смерти

На фарфоро-фаянсовой фабрике прогудел гудок. Окна цеха, выходящие на железнодорожный тупик станции Рига-товарная, распахнулись настежь, и в помещение ворвался многоголосый отчаянный детский крик:

— Мама! Мате! Маминя!

Испуганные работницы столпились у окон. Там, внизу, стоял эшелон. К решеткам окошек прильнули изможденные детские лица с черными, запекшимися ртами.

Чьи это дети? Почему они так кричат?

Тоненькая рыжеволосая девушка рванулась к дверям.

— Куда? Под пули? Не пуцу! — стала на ее пути художница Гегелло. — Там гестаповцы.

— Что же делать? Слушать, как они кричат?

— Действовать! Надо выяснить, откуда эти дети, куда их везут.

К концу обеденного перерыва рыжеволосая девушка разузнала: детей везли из Белоруссии в Саласпилс.

Фабрика загудела, как потревоженный улей.

— Саласпилс! Лагерь смерти!

На следующий день об этом уже знала вся Рига. В префектуру полетели десятки писем. На заборах появились воззвания рижского подпольного комитета, требующие освобождения маленьких узников. Женщины ходили по домам и собирали подписи. Был организован негласный комитет защиты детей.

А из Саласпилса ползли страшные слухи...

«Хлеба, хлеба!»

Детей в концлагерь привезли ночью. Грязные, оборванные, они кутались в жалкие лохмотья, пытались согреться. И каждый старался забиться в угол потемнее, спрятаться под нары. В бараке стоял плач, и можно было различить только два коротких слова — «мама» и «хлеба».

— Заткните свои глотки! — орали, выходя из себя, надзирательницы — лейторши. Но на этот раз не помогали даже плетки.

Тогда Эрна Зольман, одна из заключенных, вызванная из барака на помощь, подошла к старшей лейторше:

— Накормите их, и они замолчат.

— Будить ночью господина коменданта из-за этих грязных щенят? Пусть орут, не сдохнут до утра!

— Позвольте мне самой доложить господину коменданту. Я не боюсь карцера, — предложила Эрна.

Но женщина не пошла к коменданту. Она слишком хорошо знала господина Краузе. Она обошла бараки и рассказала людям обо всем, что видела. Заключенные вытаскивали тщательно запрятанные огрызки хлеба и отдавали их детям. Через час Эрна вернулась с двумя полными корзинами.

— Кто будет орать, ничего не получит! — гаркнула лейторша.

Дети постепенно умолкали. Они стояли гуськом со сложенными ладош-

ками и молча ждали горсточку сухарных крошек.

Утром детям приказали раздеться. Голыми их погнали в баню. Был холодный день. После мытья заставили голыми бежать обратно в барак. Заключенные хватали малышей и несли их на руках, кутая в свою одежду.

Больных ребят лейторши купали в холодной воде, а когда они умирали, складывали в ящики и уносили.

Неизвестная № 20.

Фашистские власти, обеспокоенные волнением жителей города за судьбу детей, решили продемонстрировать

руках: они не могли ходить. На шею у каждого ребенка висел на веревке кусок картона. На нем — имя, фамилия и год рождения. У некоторых только номер и лаконичная надпись: «Неизвестный»...

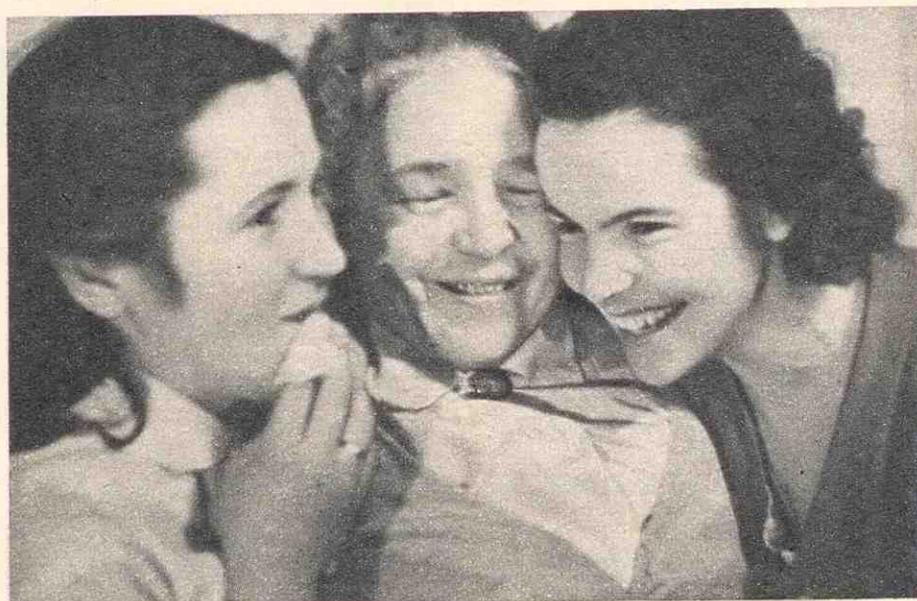
— Вот такую девочку за номером 20 я и решила взять в дочери, — рассказывает мне Елизавета Гегелло. — Почему именно ее? Не знаю... Наверное, потому, что она выглядела самой несчастной.

Я вижу, как волнуется дочка Елизаветы Николаевны, как ловит каждое слово матери.

— На одной ноге у девочки был носок, — продолжает Гегелло, — на другой — дамская перчатка. Платице бы-

ДВАЖДЫ

Лидия ЛЕСНАЯ

— Не плачь, мама! Все плохое — позади, — говорят Ирена и Тая Софье Георгиевне

РОЖДЕННЫЕ

свою «гуманность». 10 марта 1943 года газета «Тевия» поместила объявление о том, что в женском монастыре будет производиться продажа детей. Каждый желающий приобрести маленького работника должен платить немецким властям от 9 до 15 марок в месяц.

Во дворе монастыря собралась огромная толпа народу. Детей привезли на грузовиках. Их было сто двадцать. А людей, желающих спасти им жизнь, — несколько тысяч.

Когда эсэсовцы откинули брезент, люди обомлели. Бледные до синевы, с провалившимися, потухшими глазенками, одетые в немислимое рванье, дети походили на живые скелеты. И что поражало больше всего: они не плакали. Как затравленные зверьки, смотрели исподлобья и жались друг к другу. Многих пришлось выносить на

ло надето на голое тело. Большая голочка бессильно качалась на тонкой, как стебелек, шее. Глаза глубоко ввалились, скулы выступили двумя острыми буграми.

Дома, купая свою новую дочку, Елизавета Николаевна заметила на ее руках следы укулов. Осенила страшная догадка: в лагере у детей выкачивали кровь!

Целую неделю девочка лежала и ничего не говорила. Все ее тело, руки и ноги были покрыты гнойными струпами от запущенной чесотки. Постепенно она приходила в себя и однажды сказала:

— А меня зовут Надя!

— Первое время, — вспоминает Гегелло, — Надя дичилась, пряталась по углам, а потом меня, чужую, по доброй воле стала называть мамой!

Надя, не проронившая во время нашей беседы ни слова, вдруг кинулась к ней:

— Не смей говорить «чужую»! Ты моя родная, самая любимая!

Елизавета Николаевна — большая художница. Ее рисунки по фарфору знают во всех концах света. Но свое самое большое дело на земле она сделала тогда, в 1943 году, когда спасла от гибели неизвестную девочку «номер 20» и вырастила из нее хорошего человека.

«Давайте всю тройку»

В просторной квартире Софьи Георгиевны Камериловой как-то особенно светло и уютно. Бывает так: войдешь впервые в дом — и со всех сторон пахнет на тебя счастьем. Где оно, в чем — сразу не угадаешь. Оно всюду. Я вижу, как Таня заботливо пододвигает старому отцу кресло, и слышу, как отец любовно расспрашивает ее о новостях на фабрике.

Трудно ворошить тяжелые воспоминания.

— Тогда в монастыре, — рассказывает мне Софья Георгиевна, — я хотела взять двух детей — братишку с сестренкой. А их было трое. «Верите старших, — бросил эсэсовец. — Младшего продадим в другую семью». А Таня упала передо мной на колени и кричит: «Тетенька, за ради бога, не разлучайте нас! Папаню нашего убили, мамку в Германию на каторгу угнали. Ирину кулакам продали, а младшенький в лагере с голоду помер! Я вам буду полы мыть, и белье стирать, и всякую работу делать, и Чесика нянчить буду. Он у нас тихий. Не разлучайте нас, тетенька!» Не выдержало у меня сердце.

«Ладно, — говорю. — Давайте всю тройку!» Привезла я их домой, вымыла, переодела, посадила в кресло и думаю: «Ну, вот и стала я снова, на старости лет матерью». Выросли дети... Давно ли они все вместе в одном кресле сидели? А теперь... Таня уже работает рисовальщицей на фарфоро-фаянсовой фабрике. Володя вернулся из армии, работает на заводе, думает

учиться дальше. Вот только Чесика мы не выходили. Умер мальчик... На глаза Софьи Георгиевны набегают слезы. — Ирена, та, которую продали кулакам, разыскала нас и тоже стала мне дочерью.

«Где три, там и четыре»

Детей привозили из Саласпилского концлагеря в монастырь несколько дней подряд. Всего продали 570 девочек и мальчиков. Гитлеровцы сказали, что больше детей в Саласпилсе нет.

— А через несколько дней, — вспоминает учительница Вера Яковлевна Осокина, — за мной прибежали в школу: «Прибыла еще партия!» Среди привезенных детей я заметила девочку лет восьми. Звали ее Викой. Она рассказала мне, что жила с родителями в Ленинграде. «На лето меня взяла к себе в Белоруссию бабушка погостить. И вдруг — война. Меня с бабушкой посадили в тюрьму, а оттуда отправили в лагерь...» Девочка рассказывала все это монотонно, с каким-то особенным безразличием.

— Хочешь, я возьму тебя? — предложила я.

— А мне все равно! Раз у меня нет ни мамы, ни папы, ни бабушки, мне все равно, кто меня возьмет, — равнодушно ответила Вика.

За этим равнодушием с своей судьбой я почувствовала странную боль, горькую, недетскую усталость! И твердо решила: беру!

— Вы с ума сошли, у вас своих трое детей, — отговаривала меня подруга.

— Ничего! Где три рта, там и четвертый сыт будет...

Вика быстро подружилась с моими детьми. И глядя на них со стороны, трудно было разобраться, кто тут свой, а кто приемный. А когда Рига стала свободной, я написала в Ленинград. И вскоре получила ответ. У Вики нашлись родители...

Более 500 детей обязаны жизнью замечательным женщинам Латвии. Анну и Лилиан Якубовских спасла от

смерти Анна Рубулис. Диму и Ваню Лукашенок — Эмме Тонбергс. Евгения Эдуардовна Герлинс на руках принесла домой умирающую Ляду Королеву, выходила и вырастила ее, как родную дочь.

Это не должно повториться

В день открытия Всемирного конгресса за мир и разоружение у ворот Московского Кремля собралась большая толпа. Люди пришли сюда, чтобы взглянуть на посланцев всех народов, чтобы вместе с ними сказать войне «Нет!».

Проходя сквозь живой коридор, я заметила высокую старую женщину. На груди у нее было множество орденов и боевых медалей. Я подошла к ней.

— Бабушка, скажите, пожалуйста, за что вы получили эти награды?

Женщина, глядя куда-то мимо меня, сказала:

— То не мои ордена. То ордена моих сыновей. Шесть сынов ушли на войну, и ни один из них не вернулся обратно. Ты идешь в Кремль? Так скажи там, пусть они сделают все, чтобы на земле больше никогда не было войн, чтобы не было в мире сирот, чтобы матери не слепли от слез по своим сынам.

В перерыве между заседаниями конгресса я встретила молодую круглолицую женщину с каким-то тревожным взглядом. Где я видела ее раньше? И вдруг вспомнила Ригу, Веру Яковлевну Осокину и огромную кипу фотографий ее приемной дочери.

— Скажите, вы Вика Цехан?

— Да, только теперь я Маркина.

Мы говорили с Викой о войне, Саласпилсе. Тихим, срывающимся голосом она сказала:

— Я знаю, что мое горе — это только капля в море слез и крови, пролитых в минувшей войне. Мне посчастливилось: я осталась жива. У меня двое детей. И я всеми силами буду бороться за то, чтобы наши дети не узнали, что такое война.

В редакции журнала «Работница» недавно побывала член ЦК Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Нгуен Тхи Бинь. Она рассказала о страшных преступлениях, которые творят американско-индонезийские каратели против народа Южного Вьетнама. Восемь лет продолжается необъявленная война в Южном Вьетнаме. Восемь лет борется народ против кровавой диктатуры Нго Динь Дьема — ставленника американских империалистов.

С неслыханной жестокостью мстят патриотам американско-сайгонские наймиты. Тюрьмы, концентрационные лагеря переполнены арестованными. В них томится около миллиона человек, в том числе женщины и дети. Против патриотов ведется настоящая война, в которой участвует современная артиллерия, бомбардировочная авиация. Недавно мир узнал еще об одном чудовищном злодеянии — химическом отравлении с самолетов мирного населения Южного Вьетнама.

— Это были американские самолеты, — говорит Нгуен Тхи Бинь. — Они пилотировались американскими летчиками, и с них сбрасывались отравляющие вещества, изготовленные в Америке. Ядами осыпали мирные деревни, поля, фруктовые плантации. Происходило это в густо населенном районе реки Меконг. В страшных мучениях умирали дети, женщины, уничтожались посевы, погибал скот.

Без гнева и возмущения нельзя говорить об этом чудовищном преступлении. Но мы уверены: народ победит, — закончила свой рассказ Нгуен Тхи Бинь.

Прочесывая местность, индонезийские каратели загнали эту крестьянскую семью в болото.

Фото из чехословацкого журнала «Свет в образцах».

ЗА ТЕБЯ, ДИТЯ, В ОТВЕТЕ

«КВАРТАЛ ОТЧАЯНИЯ»

Каролина Мария ЖЕЗУС

Мать троих детей негрятинка Каролина Мария Жезус осталась без работы, без крыши над головой, без всяких средств к существованию. Пришлось идти в фавелу — так называют в Бразилии трущобы, населенные безработными, отчаявшимися людьми.

В детстве Каролина два года посещала школу, научилась читать и писать. Описывая в своем дневнике жизнь обитателей трущоб Сан-Пауло (самого большого города страны), Каролина и не помышляла о том, что эти записи увидят когда-нибудь свет. Случайная встреча с журналистом Аудалио Дантас изменила ее жизнь. Потрясенный исповедью нищей негрятинки, Дантас нашел издателя, который согласился выпустить дневник в свет.

Сейчас имя Каролины известно далеко за пределами Бразилии. Книга «На свалке», отрывки из которой мы публикуем, переведена на шестнадцать языков.

16 июля 1955 года. Сварила кофе. Сахару не было. Хлеба не было. Сходила к сеньору Мануэлю — отнесла ему старые ведра. Все, что нахожу на свалке, подбираю и продаю. Получила тринадцать крузейро. Надо было купить хлеба, мыла и молока для младшей, Веры Эунисы. Но разве купишь все это на тринадцать крузейро?

Что за жизнь? Стираю чужое белье. Целый день таскаюсь по улице, собирая бумагу, забитая, измученная. Тот, у кого хватит сил до конца прожить эту жизнь, может быть назван героем.

Вернулась в барак. Дала поесть двум маленьким и снова ушла собирать бумагу. Мне нездоровилось, хотелось полежать. Но отдых не для бедных...

...13 мая 1958 года. Сегодня знаменательный день — День освобождения негров от рабства. Идет дождь, а в доме только бобы и щепотка соли. Надо пойти к сеньору Мануэлю продать лом. Дождь уменьшился. Ухожу.

Как тяжело смотреть на детей! Когда приношу им еду, они кричат: «Ура, мама!» Их радость доставляет мне удовольствие, но я уже разучилась улыбаться.

Вера кланчит поесть, а у меня ничего нет. Это постоянный припев к нашей жизни. Попросила немного жира у донны Алисы, чтобы сварить детям похлебку. Она дала мне и рису. Было девять часов вечера, когда мы наконец поели. Вот и пришлось в День освобождения бороться с современным рабством — голодом.

17 мая. Встала в ужасном настроении. Не хотелось жить. Неужели и в других странах бедняки так страдают?

...Когда вернулась из города, дети сказали, что поели макарон, собранных на свалке, а я боюсь этого до смерти, потому что не могу забыть случая, который произошел два года назад.

Я продавала железный лом, и рядом со мной был маленький, такой славный негрятенок. На помойку слуги выбросили мясо, мальчик отобрал себе несколько кусочков. Предложил и мне: «Возьми, Каролина, оно еще годится». Я пыталась уговорить его не есть мяса.

— Лучше черствый хлеб, изгрызенный мышами, — сказала я.

— Я уже два дня ничего не ел, — ответил мальчик. Тут же развел костер и слегка поджарил мясо. Я не могла смотреть на него, отошла.

Распродала железо и вернулась к себе в фавелу. На другой день я нашла мальчика мертвым. Руки и ноги его раздулись, как резиновые.

И это происходит в такой плодородной стране, как наша!

20 мая. Пришел грузовик. Оттуда сбросили консервные банки — колбасный фарш. Вот что делают ненасытные торговцы. Они придерживают товары, чтобы поднять цены, а когда продукты портятся, выбрасывают их воронам.

Дети открывали коробки и радовались:

— М-м-м! Как вкусно!

Я тоже попробовала. Консервы были совершенно испорченными.

27 мая. Голод вокруг, а на бойнях поливают креозотом отбросы и внутренности, чтобы жители фавел не уносили их домой.

Сегодня я даже кофе не пила. Страшное головокружение, во рту горький вкус. Недостаточно, что ли, горечи в жизни? Подумать только, голодаю с самого детства!

Собрала полный мешок бумаги. Продала за шесть крузейро. Хотела сохранить деньги, чтобы купить бобов, но не выдержала — такие были спазмы в желудке. Решила выпить кофе с молоком и съесть немного хлеба. Как паразитально действует пища на человека! До того, как поела, небо, деревья, птицы казались мне желтыми, после еды все стало снова нормальным. Я работала быстрее. Тело уже не было таким тяжелым. Я даже улыбалась, словно видела веселое зрелище. Было такое впечатление, будто поела первый раз в жизни.

16 июня. Сегодня нам нечего есть. Мучила мысль: может, лучше убить себя и детей, чем страдать так? Посмотрела на малышей, и стало жаль их. Они

полны жизни. Но тот, кто живет, нуждается в еде...

28 августа. Самое страшное на свете — голод.

В нашей стране часто меняются люди у власти, но никто из них не заботится о том, чтобы изгнать голод из фавел и рабочих домов. Когда я ходила за водой, один несчастный упал у фонтана от истощения. Врачи, состоящие на государственной службе, прекрасно знают о таких случаях.

Нет, во главе народа должен стоять тот, кто его любит, кому знакомы его страдания. У нас же правят те, у кого есть деньги, кто не знает и не хочет видеть мук и унижений бедняков.

Перевела с итальянского
В. РОВИНСКАЯ.

МЕШОК УГЛЯ

Ц. СОЛОДАРЬ

Наш теплоход «Эстония», совершавший свой первый рейс вокруг Европы, шел из Пирея в Стамбул. Сидя в каюте, я читал рассказ турецкого писателя Усгюнгеля «Ахмед и Мехмед». Начинался он так:

«Беспризорных детей в Стамбуле — как муравьев. Под мостами, у фонтанов, во дворах мечетей, на тротуарах, перекрестках и пристанях их полно. Они в отрешьях. Они полуголые. Они как голодные волчата...»

ВСЕ ОТЦЫ И МАТЕРИ ЗЕМЛИ!

Через несколько часов я мог сам убедиться в справедливости этих слов.

Нищих, обездоленных ребятишек можно встретить в любое время суток на любой стамбульской улице. На центральных площадях дети просят милостыню. На улице Абаноз, вблизи огромного ряда публичных домов, они готовы по первому кивку американского моряка помчаться в бар или аптеку. На босфорских пристанях и вокзале они жалобно предлагают свои услуги в качестве носильщиков, стайками, как вспугнутые воробы, шныряют из конца в конец по стамбульским базарам.

Я видел оборванных детей на улице Бахрие, одной из самых грязных в городе. По полицейским правилам и на этой безнадежно запущенной улице имеется подметальщик. Чтобы оправдать свое нищенское жалованье, блюститель базарной гигиены иногда вздымает метлой столбы густой пыли. Дряхлый, беззубый подметальщик, истощенный постоянным недоеданием, с трудом передвигается, но не оставляет своей работы: без нее ему грозит голая смерть. Когда становится совсем не в состоянии, он, оглянувшись, не видно ли поблизости полицейского, доверяет свою метлу кому-нибудь из мальчишек.

Одного из таких счастливиц я встретил. Босоногий мальчонка старался изо всех сил: ведь за работу он получит по крайней мере полугнидую дыню ценою в два куруша. Но вдруг нагрянул полицейский. Мальчик бросился наутек. Стараясь поскорее скрыться, он зацепил рундук с жареной рыбой. Часть товара очутилась в мусоре. Торговка пронзительно завизжала. Мальчика схватили. Стали избивать.

Страж порядка и законности безучастно смотрел на дрожавшего от побоев и страха ребенка.

Маленький стамбулец, жестоко избитый торговцами, отполз в сторонку. Когда он поднялся с земли и пошел, казалось, это побрел слепой. Один из моих спутников окликнул мальчика. Тот нерешительно остановился и опасливо взглянул на нас, словно боясь продолжения расправы. Так я познакомился с Рюстемом.

Рюстем — третий, самый младший сын бродячего батрака анатолийской деревни.

Где только не кочевал со своей семьей преждевременно постаревший Мехмед! То он появлялся в Измире на сборе табака, то переезжал в другой конец страны, в Чукурово. Его заработка едва хватало на полуголодное существование. Поэтому, когда Рюстему пошел третий год, отец твердо решил распрощаться с деревней.

И вот толпа стамбульских безработных пополнилась приезжим батраком Мехмедом. Вернее, не одним Мехмедом: к тому времени старшему сыну, Джелилю, было уже восемнадцать, а среднему, Нури, — пятнадцать лет. На рассвете изо дня в день уходили они втроем на поиски работы. Любой — самой тяжелой, самой нищенской! Но

ее не было. И часто крохотный Рюстем не имел ни ложки горячей пищи.

Неожиданно Джелиль и Нури оказались «пристроенными». Первого призвали в армию, а второго завербовали на угольные шахты в Зонгулдак. Родители радовались. Еще бы, у сыновей будет ежедневно миска горячей похлебки! Забитые и неграмотные, они не знали, что по договоренности с правительством США Турция должна была отправить новобранцев в Южную Корею. Не знали и другого: для некавалифицированного рабочего, каким был Нури, зонгулдакские шахты хуже каторги. Там приходится работать 11 часов в сутки. Почти еженедельно из-за варварских методов добычи угля под землей происходят взрывы и массовые отравления рабочих.

Мехмед неустанно твердил жене:

— Благодарю аллаха за то, что дал нам не дочерей, а сыновей! Что бы их ждало в Стамбуле?

Жена, сокрушенно вздыхая, поддакивала мужу. Она видела малолетних проститутку на улицах города — вчерашних деревенских девочек, униженно подмигивающих американским солдатам. Она знала печальную судьбу десятилетней дочки одного знакомого батрака. Отец вынужден был продать девочку богатой семье. То ли дело сыновья! Наверно, скоро из далекой Кореи и Зонгулдака придут радостные письма, а может быть, и денежные переводы.

Рисунок В. Рассохина.

Два года ждал Мехмед возвращения старшего сына. Два года ходила мать солдата в полицейское управление. И однажды чиновник сообразовал наконец заглянуть в списки убитых.

— Не жди больше сына, старуха, — равнодушно сказал он.

А посевшей от горя «старухе» в ту пору шел только сорок первый год. Окончательно свалилась она, когда увидела вернувшегося из Зонгулдака Нури.

Мечта Нури получить шахтерскую специальность безвозвратно рухнула. Он возвратился в Стамбул без профессии и без здоровья. Бледному, как бумага, семнадцатилетнему парню день и ночь не давал покоя старческий, надрывный кашель.

Однажды в ненастный зимний день, когда в лагуче не было ни одной лепешки и ни одной спички, чтобы разжечь огонь, мать, отведя в сторону глаза, сказала пятилетнему Рюстему:

— Пойди, сынок, на те улицы, по которым гуляют господа. Протяни руку во имя аллаха. Найдутся добрые люди. Они подарят тебе несколько курушей. И тогда я смогу накормить твоего больного брата.

Около двух лет попрошайничал Рюстем на улицах Стамбула. Не раз взрослые бездельники со смехом отнимали у мальчонки собранную им за целый день жалкую милостыню.

Отец пытался отдать мальчика на прядильную фабрику: туда принимают детей с шести-семи лет. Но мастер потребовал восемьдесят лир. У Мехмеда их не было.

Повстречался однажды мальчику отзывчивый человек — рабочий с фабрики металлических изделий. Он вызвался без всякой выгоды для себя (Рюстем сначала даже не поверил!) устроить мальчика учеником в цех. Правда, ученикам ничего не платят даже после того, как они начинают работать самостоятельно. Но зато ученики входят в так называемые «резервные кадры». Выгонят с фабрики постаревшего или больного человека — его место займет парнишка из «резервных кадров». Произойдет несчастный случай, который выведет из строя рабочего, значит, «резервисту» повезло. Вот и все перспективы.

И все же, поддержанный в своем желании отцом, мальчик решил стать фабричным учеником. Но тут неожиданно вмешалась мать. Нет, ее сын не пойдет в «резерв», она клянется аллахом. Несчастная женщина слышала, какие страшные проклятия на головы учеников призывают жены и дети постаревших и больных рабочих. А порою на фабрике учеников избивают. Ведь «резервисты», сами того не подозревая, становятся штрейкбрехерами.

За пять месяцев до встречи с нами у Рюстема умер отец. Сейчас мальчик очень обеспокоен состоянием матери. Она прикована к постели. Брат Нури тоже очень редко выходит на улицу. Из разноцветной бумаги он мастерит игрушечные вертушки, приносящие хоть какую-то радость детям бедноты. В день получения трудовой лод раскупает их. Но это дает очень мало денег. На них не купишь даже через день кружку молока. А оно так нужно Нури!

Теперь кормилец семьи — Рюстем. Чего только не делает мальчик, чтобы заработать лишний куруш!

Зима, как назло, выдалась холодной. Львиную долю скудных заработков Рюстема приходится тратить на топливо. Мальчик слышит, как кашляет Нури. Он видит, как, набросив на себя все имеющееся в доме тряпье, мать тчелно пытается согреться на деревянной лежанке. Вот купить бы мешок угля!

Мешок угля, мешок угля! Мысль о нем неотвязно преследует мальчика. И в это утро Рюстем вышел из дому с твердым решением: во что бы то ни стало раздобыть денег на мешок угля. С детской наивностью уверовав в это, он так и сказал, уходя из дому, матери и брату:

— Я принесу мешок угля!

Но вот уже полдень, а Рюстем еще не заработал ни куруша. После неудачи на базаре он хотел было отправиться на стройку американского отеля — приятели Рюстема сказали ему, что там иногда удается стащить мешок цемента или дверную ручку. Их можно продать.

А если его задержат, то назавтра в стамбульских газетах появится под жестким заголовком очередная заметка о биче Стамбула — преступных детях, с которыми надо, мол, бороться более строгими и решительными мерами.

«Не верьте стамбульским газетам, — предупреждает турецкий писатель Устюнгель, чей рассказ я прочел перед встречей с Рюстемом. — Для них дети наших рабочих, дети наших ремесленников, дети наших улиц — это «лодыри», «сорванцы», это «страшные дети».

Да, трудно поверить стамбульской прессе. Рюстем и его многочисленные ровесники не «страшные» дети, а дети страшной судьбы. В чем же истоки такой судьбы? Почему нет у них крова, школы, еды? Писатель отвечает:

«Изобилие бездомных детей — прямой результат американской «помощи».

В одном Стамбуле только за последние два года разорились тридцать пять тысяч ремесленников. Сколько детей выброшено на улицу! А дети безработных? За время действия «плана Маршалла» число бездомных детей только в этом городе Турции превысило пятьдесят тысяч...»

Что остается добавить к этим словам беспощадной правды? Только одно: цифры, приведенные писателем, уже устарели. Сейчас в Стамбуле голодающих детей почти вдвое больше. Экономическая «помощь» Америки все увеличивает и увеличивает толпы турецких безработных. Их дети не знают детства. Недаром среди турецких трудящихся часто можно слышать горькую шутку:

— Наши дети сами качают себя в люльку.

Кем они вырастут?

О будущем детей Западной Германии красноречиво может рассказать цифра, на первый взгляд не имеющая к ним отношения. В 1963—1965 годах расходы на содержание бундсвера достигнут 58 миллиардов марок, большая часть государственных средств пойдет на военные нужды.

В стране делается все, чтобы вырастить из молодого поколения будущих солдат.

Зайдите в одну из школ ФРГ. И если вы услышите за дверью какого-нибудь класса солдатские марши, не удивляйтесь: идет обычный урок музыки. Вся школьная программа бьет в одну цель. На уроках истории учеников знакомят с «победным» прошлым Германии:

период нацистского режима из истории вычеркнут, чтобы не возникло вдруг у ребят нежелательных для правящих кругов ассоциаций.

А в учебнике «Востоковедение» преподносят неонацистские идеи и настроения: «По ту сторону границы по Одеру — Нейсе лежит немецкая земля. Германия никогда не откажется от этих 114 тысяч квадратных километров».

Тот же дух вражды по отношению к соседним народам, что и тридцать лет назад, та же мания «жизненного пространства».

В школьных коридорах шныряют агенты, которые вербуют учеников в солдатские союзы.

В Мюнхене с ведома баварских властей проходят слеты солдатских союзов. По улицам города маршируют колонны юнцов, и кажется, что ожили отряды «гитлерюгенд» — так похожи их лозунги, песни и даже форма.

Прилавки книжных магазинов и киосков завалены книгами с яркими обложками и броскими заголовками: «Кавалер железного креста», «История непобедимого аса», «Похождения солдата». Стоят такие книжки несколько пфеннигов (благодаря дотации тех же солдатских союзов).

Многотомные «Воспоминания кавалера ордена рыцарского креста» могут стать первой книгой, которая попадет в руки юному немцу. Чему же научит она его?

«...Бомбы хорошо легли в цель — многие машины запылали! Я нажал на спусковой механизм, и снова посыпались бомбы. В моей душе росло чувство удовлетворения. Я наслаждался звуком пулеметной очереди и по следам светящихся пуль мог определить, что они выпущены не напрасно.

...Теперь вступил в строй мой пулемет. Снаряды ложились точно, кося русских.

...Огонь — еще раз огонь!.. Успешное попадание наполнило меня чувством боевого вдохновения...»

Реваншистские воспитатели «заботятся» и о будущем девушек. Ведь армии нужны медицинские сестры, сиделки. Ну, а как быть с теми, кто не захочет приобретать такие специальности? Оказывается, правительство предусмотрело возможность подобных конфликтов. Министерство внутренних дел ФРГ разработало тайный проект трудовой повинности: девушки, окончившие школу, должны в течение года работать там, где недостает рабочих рук.

Каким человеком вырастет ребенок, если ему со школьной скамьи усердно и последовательно втолковывают мысль: «Отомсти за поражение. Новую войну можно выиграть»? У него, как и у героев книг, которые ему подсовывают, не дрогнет рука, когда прикажут сбросить бомбы на головы мирных людей.

Постановка школьного воспитания очень волнует прогрессивно настроенные круги ФРГ. «Изгнать из школ дух реваншизма и милитаризма» — этого требует профсоюз учителей, участницы «Западногерманского движения женщин за мир», многие прогрессивные деятели.

Л. ФЕДОТОВА

Эти женщины и дети — из племени пинтибу. В пустынных краях Центральной Австралии в поисках воды и пищи племя переходит с одного места на другое. Оно постепенно вымирает.

Фото из чехословацкого журнала «Свет в образцах».

А. АРХИПОВ. ЛЕД ПРОШЕЛ. 1895 г.

Рязанский областной художественный музей.

А. КАРЗУХИН. У КРАЮШКИ ХЛЕБА. 1890 г.

Государственный Русский музей.

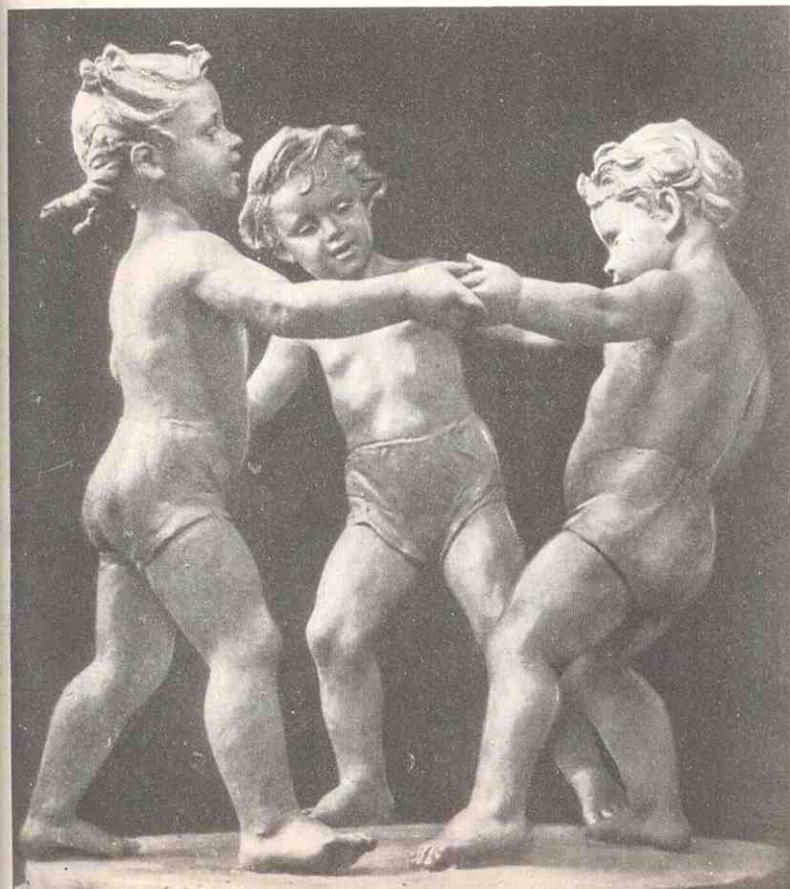

В МУЗЕЯХ
СТРАНЫ

В. КАНЕВСКИЙ. ДЕТИ.

Скульптура В. ШЕРОНОВОЙ.

ИСКУССТВО

— Тетя Варя! Можно к вам на минуточку? — В открытом окне вихрастенякая мальчишечья голова, за ней — другая, третья. — А что вы сейчас будете лепить?

— Заходите в мастерскую, увидите, — улыбается Варвара Александровна...

Тридцать лет скульптор В. А. Шеронова создает образы детей. И каждая новая встреча с ними — для нее радость.

Маленькие гости подолгу засиживаются в мастерской, с интересом разглядывают скульптурные детские портреты, которых здесь множество — и на окнах, и на стеллажах, и на столах.

— А это моя новая вещь, ребятки. — Варвара Александровна снимает марлю со скульптуры. — Композиция называется «Возвращение к жизни». Я готовлю ее и

Всесоюзной выставке 1964 года.

— А я знаю, почему вы ее так назвали! — восклицает маленькая, похожая на шарик девочка. — Этот мальчик — бывший больной. Его вылечили доктора.

Варвара Александровна довольна. Работать так, чтобы всегда быть понятной зрителю, учила ее еще в студенческие годы прославленный скульптор Вера Игнатьевна Мухина.

Уже тогда Варвару Александровну увлекла работа над детскими образами. С тех пор ею выполнены сотни скульптур, украшающих сады, пионерские городки, детские санатории.

Кто не помнит ее скульптуры «Первый шаг» и эскиза фонтана «Мать» и приобретенных Третьяковской галереей?

Лепить детей — дело не-

Григорий УСАЧ

НЕЖДАННЫЙ ДОЖДИК

Ночью дождь в лесу буянил,
Прыгал, веселился.
Звонкий марш отбарабанил
И куда-то скрылся.

Осторожно, осторожно,
Не спешите, детки,—
Спит с утра лукавый дождик
На кленовой ветке.

Он молчит, устал немножко
Прыгать по тропинке...
В каждом листике-ладошке
Сонная дождинка.

Вот присел под кленом ежик
На сухую землю.
Он не знал, что хитрый дождик
Очень чутко дремлет.

Рисунки Я. Мирошниченко.

Но сорока-белобока
Ветку зацепила
И в одно мгновение ока
Дождик разбудила.

И из листиков-ладошек
Прыгнули дождинки,
И упал нежданный дождик
Ежику на спинку.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СКАЗКА

Ты закройшь крепко глазки,
Ляжешь на бочок.
Расскажу тебе я сказку,
Мой малыш-сверчок.

Слышишь топот у порога:
Туки-ток, туки-ток?
Это в дальнюю дорогу
Вышел башмачок.

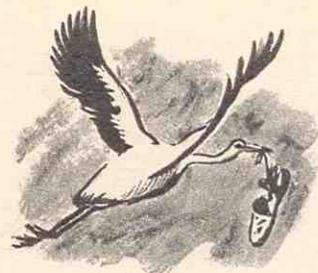
Потерял ты, шалунишка,
Левый башмачок —
И пошел искать братишку
Правый башмачок.

Ищет братца, кличет братца,
Ну, а тот молчок.
И куда же мог деваться
Левый башмачок?

Одноногий аист, может,
В клюве уволок
Твой хороший, краснокожий
Левый башмачок?

Или он с медведем пляшет —
Чики-чики-чок,
Или просит где-то каши,
Свесив язычок?

Или в небо прыгнул ловко
Левый башмачок,
Чтобы месяцем-подковкой
Подковали каблукочек?..

Ты закрой, сынишка, глазки,
Спи, мой малышок.
Знаешь, все бывает в сказке...
Бродит башмачок.

Это правый. Тише! Тише!
Вышел за порог...
Обязательно отыщет
Братца башмачок.

А проснешься, мой мальчишка,
Только позови —
И притопают братишки —
Топалки твои.

В мастерской скульптора

ОТДАННОЕ ДЕТЯМ

легкое. В большинстве своем дети не умеют позировать, они всегда в движении. Скульптор постоянно бывает в яслях, детских садах, школах, всюду наблюдает своих героев.

Вылепленные Варварой Александровной малыши воспринимаются как живые. Все время ловишь себя на желании заговорить с ними, одних утешить, других пожурить, посмеяться с третьими. Скульптор умеет передать самые сложные движения детской души.

Ученики 58-й московской школы, которая находится в том же дворе, где и мастерская, — частые гости Варвары Александровны. Некоторые из них под ее руководством пытаются лепить, многие хорошо рисуют.

Своей любовью к искусству Варвара Александровна, не без участия мужа (тоже

художника, заведующего кафедрой живописи в одном из московских вузов), заразила и собственных детей. Дочь Лена закончила Московское высшее художественно-промышленное училище, сын Алексей тоже учится в художественном учебном заведении...

Сама Варвара Александровна — дочь муромского железнодорожника — окончила художественный вуз в Ленинграде. В то время он назывался Институтом пролетарского искусства.

Жители города Муром до сих пор помнят выставки работ талантливой школьницы Вари Шероновой и с интересом следят за каждым новым произведением художника, творчество которого получило такое широкое признание.

Е. ТУРГАН

Человек

СНОВА СЛЫШИМ

1

Беда приходит невесть откуда и отчего. Человек, молодой, совершенно здоровый, начинает замечать, что теряет слух. Никакое лечение — ни лекарства, ни прогревания, ни электропроцедуры — не помогает. Болезнь продолжает прогрессировать, и вот наступает день, когда больной уже почти ничего не слышит. А в довершение всего появляется какой-то шум в ушах и в голове. Сперва слабый, с годами он нарастает и в конце концов превращается в невыносимую пытку...

Человека сделал несчастным отосклероз — одно из наиболее тяжелых и часто встречающихся заболеваний уха. Начинается он обычно в молодости, в возрасте 16—30 лет, и гораздо чаще у женщин.

Что же это за болезнь такая?

Вокруг окошечка, ведущего из среднего уха во внутреннее, начинает вдруг разрастаться костная ткань. Постепенно суживая отверстие, она все туже сжимает находящуюся внутри него крохотную слуховую косточку — стремечко, пока оно не станет совсем неподвижным. Окошечко оказывается как бы замурованным, путь звуковой волне перекрыт. Тогда-то и наступает резкая глухота.

Не одно поколение медиков вступало в борьбу с глухотой. Методов лечения было предложено множество, однако все они в лучшем случае замедляли процесс, но приостановить его не могли. Шли годы, десятилетия, медицинская наука одерживала победу за победой, многие грозные болезни отступили, а отосклероз как был, так и оставался неуязвимым и непобедимым.

«Этиология и патогенез отосклероза, — читаем в Большой Советской Энциклопедии, — остаются до сих пор неизвестными...»

Правда, далее следует обнадеживающее продолжение: «...в последнее время находит распространение хирургический метод лечения... Однако операция технически трудна и не получила широкого распространения».

Так писалось не далее как в 1955 году...

Значит, надеяться не на что? Значит, правы были врачи, когда в ответ на умоляющий взгляд больного сокрушенно разводили руками: «В наше время чудес не бывает...»?

2

Нет, не значит. Совсем не значит! И энциклопедические справки устарели, и врачи те были неправы. Чудеса быва-

ют! Одно из таких чудес я видел сам, своими глазами, и об этом мне хочется рассказать читателям.

Было это недавно в Москве, в одном из корпусов больницы имени Боткина. В операционную ввели немолодую уже женщину со страдальческим, бледным, без кровинки, лицом. Больной М. сорок лет, но выглядит она гораздо старше. Горе ее состарило. Пятнадцать лет она уже не слышит. Пятнадцать долгих лет! Сегодня ей будут делать операцию.

Врач делает М. уколы местной анестезии в область правого уха (пока будет оперироваться одно ухо).

Опирирует один из лучших советских отохирургов — Валентина Федоровна Никитина.

В халате и в маске, с круглым зеркальцем на лбу, Никитина усаживается на вращающийся стул и поворачивает к себе укрепленный на металлическом штативе микроскоп с тремя окулярами. Хирург вставляет в слуховой проход больной металлическую воронку и включает микроскоп. Яркий узкий луч света проникает сквозь воронку в глубину ушной полости. Вслед за лучом Валентина Федоровна вводит тонкий специальный скальпель. Операция началась.

За каждым движением Никитиной жадно следят трое молодых людей: две девушки и мужчина. Это врачи-отоларингологи, приехавшие сюда из других городов осваивать новые методы операций на ухе. Сменяя друг друга, прикладываются они к боковому окуляру микроскопа, через который можно видеть все, что происходит внутри барабанной полости. Хирург по ходу операции дает пояснения.

С разрешения Никитиной я тоже заглядывал в окуляр. Видел живую, пульсирующую ткань, видел, как тончайшие иглы касались косточки, как лопаточка ловко счищала белые наросты вокруг окошечка, как на кончике иглы вводилась в углубление малюсенькая полиэтиленовая трубка... Это было похоже на чудо. Особенно если вспомнить, в каких условиях приходится действовать хирургу: все операционное «поле» менее одного квадратного сантиметра; размеры оперируемых органов настолько малы, что видно их только потому, что микроскоп увеличивает в шестнадцать раз; малейшая ошибка хирурга, отклонение инструмента на долю миллиметра могут вызвать непоправимое несчастье...

Но настоящее чудо произошло несколько позже. Примерно на третьем часу операции Никитина обычным, будничным тоном произнесла: «Вы меня слышите?» И после короткой паузы из-под простыни донеслось прерывистое,

взволнованное: «Ой, что это, кажется, я слышу... Неужели слышу?!»

Это было так неожиданно, так удивительно, что мы все, присутствовавшие, на какое-то мгновение оцепенели. А Никитина, оторвавшись от микроскопа, слегка откинувшись и устало закрыла глаза. На лбу ее блестели бисеринки пота...

Два часа, проведенные на операционном столе, круто повернули всю жизнь человека, перенесли его из глубокого безмолвия в волшебное царство звуков, вернули утраченную было радость бытия!

3

Давно уже ученые-медики поняли, что самый верный путь к победе над глухотой лежит через хирургию. Но этот путь был заказан: медицина не располагала такими техническими средствами, которые позволяли бы делать хирургические операции в глубине ушной полости. Это стало возможным только в последние годы, после того как появились специальные оптические приборы, тончайший инструментарий, антибиотики, когда глубоко были изучены физиология и функция среднего уха. К началу пятидесятих годов нашего века в практику стала внедряться операция, получившая название фенестрации лабиринта. Заключается она в том, что вместо замурованного окошечка прорезают рядом другое, искусственное отверстие, через которое звуковая волна и проникает к слуховому нерву.

У нас в стране одними из первых стали делать в 1951 году такие операции три московских женщины-врача: профессор-отоларинголог Антонина Александровна Аткарская и две ее ученицы и сотрудницы — Раиса Евдокимовна Тарасова и Валентина Федоровна Никитина.

Операция крайне тяжелая. Но это было бы полбеды, главное, чтобы слух вернулся. И действительно, многие из больных начинали слышать. Но, увы, ненадолго. Искусственное отверстие, которое делали хирурги, часто опять зарастало, и снова наступала глухота.

Промучившись четыре года, врачи разочаровались в этом методе и решили отказаться от него. Операции прекратились.

Фенестрация себя не оправдала. Надо было искать других путей. И поиски продолжались.

4

— Вот куда были направлены все наши помыслы! — говорит Валентина Федоровна и с этими словами высыпает из

маленькой склянки крохотные коричневого цвета костяные пластиночки.—Стремечко. Самая маленькая в человеческом организме косточка, но и, пожалуй, самая важная: без нее — пропал слух. Пробовали мы обойтись без стремечка, — как видите, не вышло. Вот почему все чаще стали врачи склоняться к мысли, что единственный путь — это оживить стремечко, заставить его работать снова.

Методику такой операции разработал американский хирург Розен. Он через воронку осторожно отодвигал барабанную перепонку, проникал в область среднего уха, тонкими манипуляциями раскачивал, как маятник, стремечко до тех пор, пока оно вновь не обрело подвижность, а затем ставил барабанную перепонку на место. Этот метод Розен продемонстрировал в 1956 году в Москве, в клинике Института уха, горла и носа, в присутствии многочисленных врачей. Операция прошла успешно, к больному вернулся слух.

Ординатор институтской клиники Валентина Никитина решила овладеть этим методом.

Несколько месяцев как одержимая работала Никитина. Переворошила горы иностранных медицинских журналов, подробно анализировала каждый описанный в специальной литературе случай, относящийся к новому методу, изучала рисунки и схемы, составляла свои собственные схемы и проекты и... делала операции одну за другой — набивала руку. Не на живых людях, конечно. Больше пятидесяти операций на трупах провела она, прежде чем решилась оперировать больного.

5

Всякое бывало. Были успехи, бывали и неудачи. Немало выпало на долю Никитиной счастливых минут, довелось испытать и горечь разочарования. Но не было в ее практике двух операций одинаковых: каждая операция особая, своеобразная, непохожая на другие, каждая — это поиски и открытия, это шаг вперед. От раза к разу совершенствовалась она методика, вводила свое, новое, лучшее. И если методика Розена давала 40—50 удачных операций из каждых 100, то Никитиной удавалось добиваться успешного исхода уже в 60 случаях из 100!

Год она работала совсем одна, потом к ней присоединилась Раиса Евдокимовна Тарасова. Стало их двое. Но только двое. В Московском обществе отоларингологов, где Валентина Федоровна выступала в 1959 году с докладом, встретили ее более чем сдержанно и недвусмысленно дали понять, что считают операции на стремечке сомнительными...

Сомнительные? Ну нет!

И все-таки... 40 процентов неудач — не слишком ли много? А кроме того, кто поручится, что и те, удачные, сохранят слух навсегда, что не наступит ухудшение? К сожалению, такие случаи бывали, и не так уж редко.

В чем же корень неудач? Как избежать рецидивов?

Тщательное изучение десятков и сотен операций, историй болезни, литературных данных со всей очевидностью показало, что почти во всех случаях реци-

дивов глухоты главной причиной является повторное окостенение стремечка или перелом ножек его.

Выводы напрашивались сами собой: необходимо прежде всего усовершенствовать операцию так, чтобы стремечко постоянно оставалось подвижным.

И Никитина решила наряду с раскачиванием стремечка применить так называемую стапедопластику — новую, недавно разработанную операцию по исправлению стремечка. О сложности ее можно судить по тому, что операцию приходится делать на участке площадью $1,5 \times 2$ мм.

Используя сохранившуюся часть слуховой косточки, хирург восстанавливает ее функцию, а если болезнь зашла слишком далеко и стремечко уже не годится, то заменяет его новым, искусственным — протезом из полиэтиленовой трубки, прикрывая ее клетчаткой из вены...

Все чаще и чаще стала прибегать Никитина к этому методу, и теперь редко какая операция по поводу отосклероза проходит без стапедопластики.

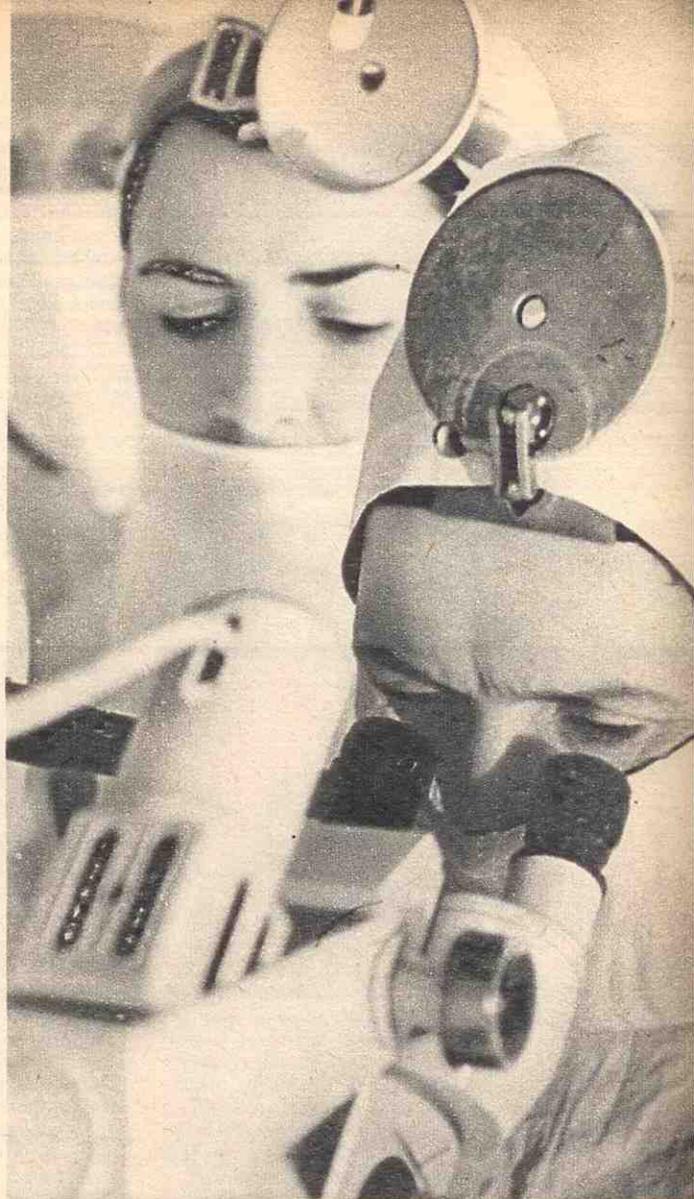
Результаты?

95—98 процентов исцеления. Рецидивы бывают все реже и реже. Многие из тех, кто по нескольку раз обрел слух, теперь слышат великолепно. Если раньше Никитина была счастлива, когда больной после операции слышит за 2—3 метра, то теперь проверка производится на расстоянии 20—25 метров, не меньше.

Еще раз пришлось Никитиной выступить с докладом на заседании Общества отоларингологов. В 1961 году. Памятуя печальный опыт предыдущего своего выступления, она привезла с собой для демонстрации нескольких пациентов, которым возвратила слух с помощью стапедопластики. Валентина Федоровна волновалась. И напрасно. Как непохожа была эта встреча на ту, первую! Ее встретили и проводили аплодисментами. Это был ее триумф.

Наряду и почти одновременно с Никитиной операциями по восстановлению слуха стали заниматься ученые-отоларингологи А. И. Коломийченко в Киеве, Н. А. Преображенский в 1-м Московском медицинском институте, К. Л. Хиллов в Ленинграде и другие.

Сама Никитина сделала уже более 500 слуховосстанавливающих операций. С ее участием и под ее руководством в одном только Московском Институте уха, горла и носа за последние два года методами отомикрохирургии овла-

Оперирует Валентина Федоровна Никитина, ассистирует Бурляят Мамаева, врач из Махачкалы.

Фото Н. Маторина.

дели 112 врачей из Уфы и Казани, Свердловска и Ижевска, Ставрополя и Краснодара, Каунаса и Риги. Учиться усовершенствованным советскими хирургами методам приезжают врачи из Польши, Болгарии, Венгрии, ГДР и других стран.

Одержана решительная победа над одним из злейших недугов — отосклеротической глухотой, и много сделала для этого Валентина Федоровна Никитина.

* * *

Победа? Несомненно! Однако считать ее полной пока нельзя: слишком мало еще у нас клиник, где делаются такие операции, и больным приходится иной раз годами ждать своей очереди. Беда в том, что не хватает специальных оптических приборов и инструментария, без которых хирург ничего не может сделать.

Над созданием новых образцов совершенных микроскопов и инструментов работают научно-исследовательские институты, конструкторские бюро заводов. Очень хорошо! Хотелось бы только, чтобы все эти работы велись в более высоких темпах, чем до сих пор.

ЯРОСЛАВ ГАШЕК И ШУРА ЛЬВОВА

Кто не смеялся, не размышлял и не грустил над книгами замечательного чешского сатирика Ярослава Гашека? Его бессмертное произведение «Положение бравого солдата Швейка», переведенное на все языки мира, прекрасно известно советскому читателю и любимое им. Сейчас на экраны вышел фильм «Большая дорога», приуроченный к празднованию 80-летия со дня рождения великого сатирика. Фильм этот по-

ставлен режиссером Юрием Озеровым вместе с чешскими кинематографистами на киностудии «Мосфильм». В нем зрители встретятся с самим писателем и, конечно, со Швейком.

Видимо, не все знают, что созданию образа Швейка способствовало пребывание Гашека в России в 1915—1920 годах.

О том, как он попал в Россию, зрители узнают из одного, пожалуй, самого забавного эпизода фильма.

Случилось это во время первой мировой войны. Гашек служил тогда в рядах австро-венгерской армии и был... полковым пастухом. Однажды — он в это время доил коров — к нему подошли несколько русских солдат и попросили взять их в плен.

— Кто мне поверит? — отказывался Гашек. — Вас много, а я один...

Дело в том, что сам Гашек давно мечтал перебежать в плен к русским, чтобы не участвовать в бессмысленной войне.

Но в данной ситуации ему ничего не оставалось, как «взять в плен врагов». За их «поймку» Гашек получил медаль «За отвагу» и неожиданно стал командиром отделения.

Впрочем, это не помешало ему вскоре вместе со Страшлипкой сдаться в плен русским.

Страшлипка — прототип будущего Швейка, верный ординарец Гашека, с которым он не расставался в течение долгого времени.

В роли Гашека снимался молодой чешский актер Йозеф Абрахам, а в роли Страшлипки — Рудольф Грушинский — тот самый актер, который исполнил роль Швейка в чешском фильме «Положение бравого солдата Швейка». Зрители, конечно, помнят его лукавые глаза, полную наивности и добродушия обезоруживающую улыбку.

Героиню фильма играет молодая актриса Инна Гулая, хорошо известная

зрителям по фильмам «Тучи над Борском», «Когда деревья были большими», «Шумный день».

В фильме «Большая дорога» молодая актриса получила роль Шуры Львовой, работницы типографии, горячо преданной революции.

Ярослав Гашек встретил Шуру в Бугульме. Не одним десятком километров измерялись дороги гражданской войны, по которым прошел талантливый чешский сатирик в рядах Красной Армии. И всюду с ним была она, надежный и верный товарищ — Шура Львова, «Шуринька», как он ее называл.

«Я с волнением приступила к работе над новой ролью, — рассказывает нам актриса. — Уж очень отличается она от того, что мне до сих пор приходилось играть. Ведь первые мои роли были лирические, а Шура — совсем другое: она очень волевая, энергичная, бесстрашная девушка, представляющая поколение, которое закалялось в огне революции, твердо веря в ее окончательную победу.

Моя героиня не вымышленный образ. В Чехословакии, под Прагой, и сейчас живет Александра Гавриловна Львова-Гашекова, вдова Ярослава Гашека. Она и Гашек действительно встретились и полюбили друг друга у нас, в России. В то время Гашек был начальником интернационального отделения политотдела Пятой армии. На их свадьбе, которую праздновали в Красноярске, верный Страшлипка плясал забавный чарльстон. Впрочем, и эту сцену вы увидите на экране.

Вероятно, совсем скоро в Праге состоится премьера нашего фильма, — продолжает Инна Гулая. — Я с огромным волнением жду встречи с Александрой Гавриловной. Ее оценка моей новой работы будет самой дорогой для меня».

Ф. БАРАНОВА

Правильно ли мы говорим?

Борис ТИМОФЕЕВ

Не все, к сожалению, могут ответить на этот вопрос утвердительно...

Почему? Каким образом получается, что люди, для которых русский язык является родным, говорят на нем неправильно?

Причин много: это и неумение найти точное, нужное для выражения мысли слово, и нежелание искать такое слово, и просто небрежность («как сказал, так и ладно!»), и привычка говорить неправильно только оттого, что «так говорят», и влияние канцелярского языка, и желание щегольнуть иностранным словечком, и «мода» на бессмысленные слова и выражения, и многое другое.

Вот об этом и поговорим.

Итак, главная причина — незнание. Впрочем, эту беду при желании можно исправить. И если кто-нибудь сегодня еще говорит, к примеру, «ширше», «делов», «ложй», «хужее» и т. д., то завтра, узнав, что надо говорить «шире», «дел», «клади», «хуже», он перестанет коверкать родной язык и начнет говорить правильно.

То же самое относится и к некоторым словам иностранного происхождения, вошедшим в наш язык: говорящий сейчас «булгактер», «колидор», «лаболатория», «полуклиника», «экспронт», «константировать» говорит так только до тех пор, по-

ка не узнает, что надо говорить «бухгалтер», «коридор», «лаборатория», «поликлиника», «экспромт», «констатировать».

Но есть люди, которые не следят за своей речью: говорят кое-как, небрежно, забывая, что говорить кое-как — значит и мысли свои выражать кое-как.

Граматику, то есть основу правильности нашей родной речи, они считают чем-то лишним, ненужным, а к падежам, к формам склонений и спряжений вообще питают чувство неприязни. Зато они любят «украшать» свою речь жаргонными словечками и выражениями, вроде «на пару», «втихаря», «прошвырнуться по магазинам»...

Иногда их речь так «насыщается» жаргоном, что делается едва понятной для непосвященных.

* * *

Правильности и чистоте нашего языка угрожает и так называемая канцелярщина — сухой, нежизненный язык, ведущий свое происхождение от чиновничьего, «казенного» языка царских департаментов.

Один мой знакомый так описывал свой летний отдых: «Летний отпускной период я провел в пригородной местности в поселке дачного типа. В саду при доме было много зеленых насаждений, а прямо за ограждениями начинался боль-

Дерматит должен быть побежден

Я третий год работаю на станции Алма-Ата-1, в депо, на обтирке тепловозов. Смеси и составы, которые мы применяем для обтирки, вызывают резкое раздражение кожи рук. Эту болезнь врачи называют профессиональным дерматитом. Нас лечат, но безрезультатно.

Я болею с ноября прошлого года. Нужно на работу идти, и дома семья, надо готовить пищу, стирать белье и другие домашние работы выполнять, а врачи говорят, что мочить руки нельзя. И ведь я не одна в нашем депо страдаю этой болезнью: болеет и Тася Ибрагимова, у которой семеро детей.

Врачи выдают бюллетень, но освобождение от работы — это мера временная. А кто же позаботится, чтобы уничтожить болезнь в корне? За все время ни одну из нас не отправили на курортное лечение.

Справедливости ради скажу, что прошлым летом рабочком выделил 25 рублей, чтобы я смогла поехать во время от-

пуска на курортное лечение. Но что значит приехать на курорт без курсовки? Я, по существу, не лечилась.

Обидно, что, хотя на курорте Аяк-Калпан имеются несколько корпусов, закрепленных за нашей железной дорогой, больным работникам путевок не дали. Что это, как не бездушие!

В прошлом году мы

написали жалобу в Министерство здравоохранения Казахской ССР. Наша жалоба была переслана в медицинскую часть Управления Казахской железной дороги. Долгое время не было ни слуху ни духу. Затем нам сказали, что какая-то комиссия была по нашему заявлению, но мы, кто писал эту жалобу, никого не видели, с нами никто не

поговорил. Да и результатов никаких нет.

Прошу от себя лично и от имени своих напарниц: помогите нам избавиться от болезни, а для этого надо, видимо, ликвидировать другую болезнь — бездушие руководителей нашего депо и санчасти Управления Казахской железной дороги.

Елена КАПУСТИНА.
г. Алма-Ата.

От редакции

Наш корреспондент проверил письмо Е. Капустиной. Оказалось, что профессиональным дерматитом заболевают не только женщины — обтирщики тепловозов, но и некоторые машинисты и помощники машинистов, то есть те, кто соприкасается с дизельным топливом и дизельными маслами.

Специальные приказы и инструкции Министерства путей сообщения определяют меры предосторожности, но в алмаатинском депо они не выполняются.

Меры защиты, которые здесь применяются, явно недостаточны. Профсоюзная организация дороги не заботится ни об охране труда работниц, ни о лечении уже заболевших. В то время как Капустиной не дали путевки на лечение, на курорт поехали члены семей работников Управления дороги.

Профессиональные дерматиты у тепловозников — беда не только работников алмаатинского депо. Что же думают об этом в Министерстве путей сообщения и ЦК профсоюза железнодорожников?

По утверждению начальника санитарного отдела Главсанупра Министерства тов. Абретанина, «во многом виноваты са-

ми рабочие, которые не хотят пользоваться неудобными рукавицами» и «не желают брать смазочный материал механическими приспособлениями, которые усложняют работу».

Но разве не следует из этого вывод, что надо сделать рукавицы и приспособления более удобными — помогающими, а не мешающими работать?

Уже несколько лет проблемой защиты от заболевания кожи занимается Научно-исследовательский институт железнодорожной гигиены. Кое-что сделано: разработаны рецепты защитных паст.

Но для всех депо страны этих паст не хватает — ведь их надо сотни тонн. Промышленность пока такого количества паст не дает.

В новых тепловозах изменена конструкция поддонов — топливо не будет собираться, в этих поддонах, и женщинам не надо выжимать его тряпками, для этого есть теперь специальный шприц. Но все-таки осталось еще немало процессов, при которых руки соприкасаются с вредными жидкостями.

Надо, чтобы все депо были обеспечены нужным количеством защитной пасты и за ее применением был установлен строгий контроль.

А в первую очередь необходимо помочь тем людям, которые уже болеют профессиональным дерматитом.

шой зеленый массив. В отношении прогулок и по линии купания и водных процедур — все было на уровне, но отдаленность торговых точек и вообще недостаточная плотность торговой сети создавали затруднения в отношении обслуживания населения продуктами питания. Недостаточным было и культобслуживание. Узким местом было и наличие санузла негородского типа...»

Самое страшное, что он совершенно не замечал недостатков своей речи, а, напротив, считал, что изъясняется очень «культурно».

* * *

Наряду с русским разговорным языком существуют и местные особенности речи, областные говоры, диалекты. Диалектизмы нельзя считать искажением русского языка: это его местные особенности.

Но когда говорят: «Раздень калоши!», «Я броюсь»,

«Соскучился за тобой», «Они положились спать», «Вы смеетесь с меня» и так далее, — это уже не особенности местного говора, не диалектизмы, а самая обыкновенная неряшливость речи, связанная с неуважением к родному языку.

И напрасно некоторые пытаются объяснить и оправдать неправильности своей речи «украинизмами» или «белорусизмами»: следует правильно говорить или по-русски, или по-украински, или по-белорусски, а смешивать в одну словесную окрошку все эти братские языки — значит коверкать их.

Некоторые наши современники, живущие в южнорусских областях, например, на Кубани, вместо «Куда вы идете?» говорят «Где вы идете?». Это противоречит и грамматике и здравому смыслу. И все-таки многие защищают такую речь, как «народную», «местную».

Избегать в разговоре совершенно правильного и точного слова «куда», заменяя его другим по смыслу словом «где», нельзя.

* * *

Следует сказать кое-что и про «обидчивых». Я имею в виду тех, кто обижается на вполне правильный вопрос в очереди: «Кто последний?», — требуя неправильного вопроса: «Кто крайний?»

Обиден ли вопрос «Кто последний?»

Очередь — это ряд людей, стоящих друг за другом, то есть в определенном порядке. Естественно, что в каждой очереди есть «первый», а следовательно, и «последний». Ведь «последний» — это, собственно, «идущий по следу», «последующий»... Это так же бесспорно, как то, что у поезда есть «первый» вагон и «последний», а у трамвая,

состоящий из двух вагонов, — вагон «передний» и «задний».

А вот краев у очереди — два! И «крайним» является в ней в совершенно равной степени и «первый» и «последний»...

«Я последний поэт деревни...» — писал Сергей Есенин и этим вовсе не хотел себя унижить. А Александр Фадеев! Неужели он хотел вложить обидный смысл в название своего романа «Последний из Удэге»? И вообще, что можно найти обидного в выражениях: «последние известия», «последнее время», «последние цветы», «последняя надежда»?

Нетрудно понять, что у слова «последний», имеющего много значений, действительно обидно только одно: «последний человек» в смысле «пропавший человек».

Будем говорить по-русски правильно!

Полчаса — красоте

Массаж отлично помогает сохранить кожу лица здоровой, свежей и упругой. Но сразу же следует оговориться: активный массаж рекомендуется делать только в косметических кабинетах, так как, не имея специального навыка, легко причинить коже вред.

Дома достаточно ограничиться легкими поглаживающими движениями, при помощи которых на лицо наносится очищающий или питательный крем. При этом не растягивайте кожу, не надавливайте на нее.

Вот основные приемы массажа, которые полезно запомнить:

1. Левой рукой водить от правого угла рта через подбородок к левому углу рта, а правой — в противоположном направлении.

2. Поглаживать средними пальцами обеих рук от углов рта до переносицы, затем безымянными и средним пальцами поглаживать вдоль носа до кончика.

3. Водить средним пальцем левой руки от правой стороны носа через середину верхней губы, а средним пальцем правой руки водить в противоположном направлении.

4. Пальцы обеих рук положить, как показано на рисунке, и легкими круговыми движениями поглаживать щеки по направлению к вискам.

5. Средними пальцами осторожно поглаживать верхнее веко от внутреннего угла глаза в направлении к вискам, переходя на нижнее веко.

6. Те же движения, что и в 5-м упражнении, только продлите их сбоку переносицы до середины лба.

7. Положить пальцы обеих рук на лоб и, погладив его в направлении к вискам, провести под глазами. Сделав небольшой круг, отвести пальцы к ушам.

8. Кончиками пальцев, хорошо смазанными кремом, водить в направлении от виска по нижнему веку и под бровями (по верхнему веку). Полезно также слегка постучать по этим местам кончиками пальцев.

Морщинки вокруг глаз массируют очень осторожно, слегка натягивая кожу на висках, как показано на рисунке, или открывая рот, придавая ему форму «О».

Особенно легко образуются складки вокруг рта. Для укрепления мышц этой части лица полезен массаж изнутри (водить языком по складке). Рекомендуем и такое упражнение: надуйте щеки и медленно выпускайте воздух через растянутые губы. Горестные складки в уголках рта быстрее всего пропадают от... приветливой улыбки.

Мы уже говорили, что, когда годы дают о себе знать, лучше всего применять питательные маски, не делая паровых ванн. Вот еще несколько рекомендаций косметологов.

Сварите крупную картофелину, снимите с нее кожуру, разомните в пюре, добавьте 1 чайную ложку оливкового или подсолнечного масла, 1 яичный желток, 1/2 натертого на терке яблока и размешайте. Полученную смесь наложите на лицо. Держите маску, как и все остальные, в течение 30—45 минут. Затем смойте ее теплой водой.

Смешайте 3 чайных ложки меда с 1/2 яичного желтка и 1 чайной ложкой чистой пшеничной муки и полученную массу наложите на лицо. Эту маску рекомендуем делать один раз в неделю.

Смешайте 2 чайных ложки меда с 2 чайными ложками молока и 1 чайной ложкой белой пшеничной муки. Дальней-

шая процедура та же, что и при предыдущей маске.

Смешайте 2 чайных ложки творога с 1/2 яичного желтка, 1 чайной ложкой меда и 1 чайной ложкой оливкового масла или подсолнечного, наложите на лицо.

20 г дрожжей разотрите с 100 г пшеничной муки, добавьте молока, чтобы получилась кашеобразная масса, и оставьте на 1—2 часа для подъема. Как только масса подойдет, перемешайте и наложите на лицо. Держите около 40 минут, затем снимите ее и лицо сполосните.

Если у вас усталый вид и цвет лица вам не нравится, обмывайте его в течение 2—3 минут попеременно холодной и горячей водой, и к вам вернется бодрость, а вашему лицу — свежесть.

Такие процедуры вы можете делать ежедневно.

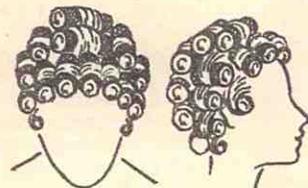
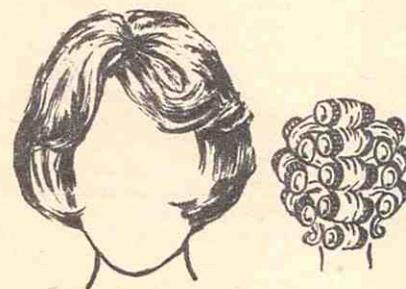
Напоминаем: при уходе за лицом не забывайте о шее: для нее тоже нужны питательные кремы и маски.

Пришла весна...

Весна заглянула уже во все, даже самые северные уголки нашей страны. Она принесла с собой теплые дни, яркое солнце, радостное настроение. Женщины более придирчиво стали осматривать себя в зеркале. Все хорошо, а вот прическа... И в самом деле, плохо уложенные волосы портят внешность, а значит, и настроение. Можно, конечно, пойти в парикмахерскую, но при одном воспоминании, что нужно столько времени потратить, пропадет охота идти туда. Но как же быть?

Выполняя просьбу многих наших читательниц, предлагаем модели причесок, которые легко и быстро можно сделать, не прибегая к помощи мастера.

На рисунках показано, как накручивать волосы на крупные бигуди. Но прежде советуем хорошенько смочить волосы раствором желатина или отваром льняного семени, пивом, соком лимона или апельсина. Это поможет сохранить прическу более продолжительное время.

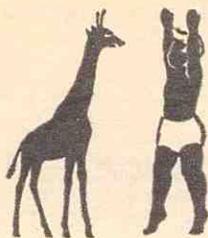

После просушки снимите бигуди и энергичными движениями пригладите волосы щеткой, затем расческой придайте им нужную форму. А уж зеркало подскажет вам, следует ли закрыть лоб или оставить его открытым, откинуть волосы назад или начесать их к щекам.

Посмотрите на эти рисунки. Не сомневаемся, что ваш малыш будет с удовольствием подражать котенку, зайчику, жирафу... Для него это совсем не трудно, зато очень полезно.

Ж и р а ф (упражнение вырабатывает правильную осанку). Ребенок ходит на носках, руки подняты вверх, шея и все тело сильно вытянуты.

К о т е н о к (упражнение для гибкости позвоночника). Ребенок встает на колени, ладонями опирается о пол, сначала опускает голову и выгибает спину вверх, потом голову поднимает, а спину прогибает. Повторяет упражнение 5 раз.

З м е я (упражнение против сутулости). Ребенок плашмя ложится на коврик, руки сплетает на спине, ползет вперед, отталкиваясь пальцами ног.

З а й ч и к (упражнение для укрепления мышц ног и бедер). Ребенок прыгает на «четыре лапки», отталкивается ногами и прыгает вперед, перенося тяжесть на руки.

Анютины глазки

Особенно хороши анютины глазки во время массового цветения. А начинать их выращивать надо летом, чтобы весной следующего года они порадовали вас своей красотой.

Посейте семена на специально подготовленную грядку с легкой питательной почвой. На грядке сделайте бороздки на расстоянии 15 см друг от друга. Делайте их узкой (3 см) дощечкой метровой длины, вдавливая ее в землю на 2 см и так, чтобы получилась ровная поверхность дна бороздки. Семена высейте на расстоянии 2—3 см друг от друга и засыпьте перегноем или землей на 2 см. Затем осторожно полейте из лейки с ситечком. В дальнейшем поливайте 1—2 раза в день, чтобы не пересыхала почва. Когда у всходов появится по 2—3 листочка, рассадите их на расстоянии 10—15 см. При хорошем уходе и осени у вас вырастут крепкие, коренстые кустики. Весной следующего года, как только оттаят земля, их можно будет сажать на клумбы, рабатки и на балконы.

Семена для посева можно купить в магазине или собрать самим от первых красивых и крупных цветков. Поручите детям следить за созреванием семян. Они-то уж не допустят, чтобы плоды-коробочки растрескались и семена из них разлетелись, а снимут их вовремя, когда они только слегка пожелтеют и будут торчать вверх.

Если вы надумаете выращивать еще и незабудки, а они цветут вместе с тюльпанами, или гвоздику турецкую, цветущую в июне — июле, то семена этих растений также посеять летом и выращивать рассаду точно так же, как и рассаду анютиных глазок.

Запомните: из одного грамма семян анютиных глазок можно вырастить 390 штук рассады.

Цветовод И. МАКАРОВА

ФОТОКАРТОЧКА ИЗ КОСМОСА

Уже несколько месяцев находится в пути советская космическая станция «Марс-1». Все дальше и дальше от Земли уносится она, а связь с ней не прекращается, причем не только по радио. Наши астрономы сумели даже сфотографировать «Марс-1», когда он находился на расстоянии нескольких миллионов километров от Земли.

Это сделано с помощью мощнейшего телескопа «ЗТШ-2,6 м», установленного в Крымской астрофизической обсерватории. На том участке неба, где простым глазом не видно ни одной звезды, в поле зрения этого телескопа можно обнару-

жить 184 звезды. Из Москвы в телескоп можно «поймать» световое излучение от спички, зажженной во Владивостоке.

Основная оптическая деталь телескопа — зеркало — изготовлена из специального стекла. Его отжиг продолжался пять месяцев, а обработка — полгода. Весит телескоп 4 тонны. Этот самый крупный телескоп в Европе.

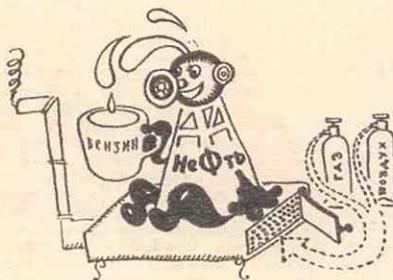
ПЕЧЬ БЕЗ ОГНЯ

Видели вы когда-нибудь печь без огня, горение без пламени? А ведь такие печи есть. Применяются они для переработки нефти.

При обычной переработке нефти трубы нагреваются сильным газовым пламенем, отчего часто пережигаются и быстро выходят из строя. К тому же тепло, которое получается при сжигании газа, используется далеко не полностью: примерно одна треть тепла пропадает впустую. Каждый месяц печь приходится останавливать, чтобы сделать ремонт.

Конструкторы Гипронефтемаша создали новый тип печи — с излучающими стенками.

Они собраны из специальных панелей, внутри которых имеются многочисленные мелкие тоннели, где газ сгорает в смеси с воздухом. Нефть нагревается равно-

ваются так потому, что доильные станки, в которых стоит корова, размещаются веером вокруг пульта управления. Площадка, где находится пульт управления и кресло доярки, вращается. Доярка может переместиться к любому станку, не вставая с места. Нажимая кнопки на пульте, доярка управляет ходом дойки. Как только дойка какой-нибудь коровы закончилась, загорается сигнальная лампа. Теперь можно вывести корову из станка и ввести другую. Причем делать это можно, не останавливая доения остальных коров. Это позволяет полностью выдоить каждую корову, что выгодно отличает «веер» от других установок.

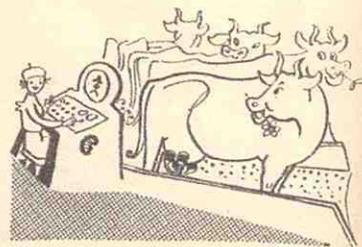
Один такой «веер» может выдоить сто коров в час. Обслуживают установку всего два человека.

мерно. Коэффициент полезного действия такой печи достигает 85 процентов. Места она занимает в два раза меньше, чем обычная печь.

Новые печи при испытаниях отлично зарекомендовали себя и сберегли государству много средств. За разработку и внедрение печей с беспламенным горением группе ученых и инженеров присуждена Ленинская премия.

«ВЕЕР» ДОИТ КОРОВ

Животноводы уже пользуются доильными установками, которые носят привлекательные названия — «елочка», «карусель». В Джанагарском совхозе, Алма-Атинской области, недавно сконструирована новая установка — «веер». Она назы-

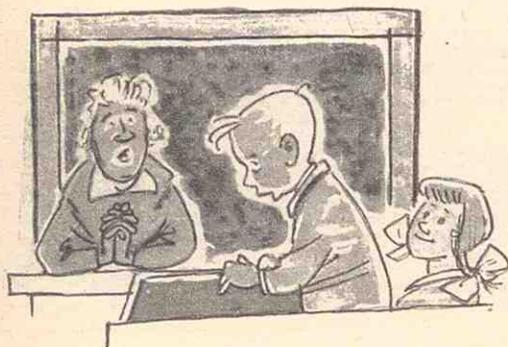
Рисунки В. Кащенко.

Спекуляция на «инициативе»

Подарил мне папа флейту и велел дуть гамму. А как дуть — не сказал.

(Из письма в редакцию).

Рисунок В. Кащенко.

— Вова, а кто за тебя сделал домашнее задание?..

— Тетя из Бюро добрых услуг.

Рисунок Д. Белова.

Моды

1. Костюм из цветной легкой шерстяной ткани с жакетом, отделанным белым кантом. Блузка из набивного шелка. Рекомендуются до 52-го размера.

2. Летний ансамбль для молодых женщин можно шить из белой плотной хлопчатобумажной ткани (пике, рогожки, поплина) и отделать его декоративной цветной строчкой. Безрукавная блузка из полосатого штапельного полотна и короткие брючки (шорты) очень удобны для летнего отдыха.

3. Молодым людям для летнего отдыха предлагаем куртку из плащевой ткани, с трикотажной резинкой по вороту и манжетам, брюки из плотной хлопчатобумажной ткани, набивную поплиновую рубашку и шорты, которые хорошо отделать белой строчкой.

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

Здравствуйте, Татьяна Ивановна! Когда я последний раз говорила с вами в Лисках, мне показалось, что вы чуть-чуть начали сомневаться в правильности своих поступков. Но на редакционный стол легко новое ваше письмо, уже третье, и в нем снова слова об «издевательствах» над вами.

Ну, что же, поговорим еще. Вы писали: «Я работала весовщицей на станции Половцево, начала параллельно выполнять обязанности билетного и товарного кассира. Узнав об этой патристической инициативе, руководство Лискинского отделения дороги в марте 1960 года наградило меня денежной премией, и мой почин был поставлен в пример для всех станций отделения дороги. Но не прошло и месяца, как руководство отделения дороги решило сократить должность весовщика».

Когда я читала письмо в Москве, то думала, что благодаря вашему почину высвободилось две должности кассиров. Но оказалось, что этих должностей и не было на вашей маленькой станции и вы уже много лет выполняли их обязанности. Просто перед переходом на семичасовой рабочий день написали заявление с просьбой узаконить приказом это совмещение.

В отделении дороги, видимо, увидели слова: «...считаю, что такое совмещение дает положительный результат на нашей станции по выполнению плана перевозок» — и решили, что есть основание для поощрения. Если бы разобрались, увидели бы, что их нет. Весовщик был занят в день всего час-два. Половцево не Лиски-Узловая. Здесь нет верениц вагонов. В среднем в сутки бывает один вагон выгрузки и погрузки. И поездов немного. В сутки останавливается один поезд дальнего следования, четыре пригородных. Пассажиров... При мне, например, за день билеты взяли всего человек восемь.

Через месяц должность весовщика была ликвидирована. Вы возмущались: «Как? Мое место...». Вы говорили: «Я вон на себя сколько взяла, а меня сняли, стрелочником сделали».

Но ведь ликвидировали-то должность правильно. Вы же сами знаете, что на станциях, подобных вашей, весовщики ни к чему. Это расточительство. И отделение дороги разумно сделало, передав обязанности и весовщиков и кассиров на маленьких станциях их начальникам. Целесообразность решения видна любому объективному человеку. Но вы увидели в этом злой умысел начальника станции Кутырева и начали писать жалобы — в Госконтроль, «Гудок», «Известия», обком партии, управление Юго-Восточной дороги, отдел рационализации и изобретательства и т. д. и т. п. И в каждом письме доверительное: «пишу только вам». В «Работницу» вы писали: «Совесть к правде пробудила мою смелость и заставила написать только вам».

И всюду сообщали, что были поощрены за патристическую инициативу, что над вами учинили расправу потому, что вы не давали и не даете обманывать государство, во все адреса посылали копию статьи «Станционный смотритель» в районной газете «Новохоперская правда», хотя знали, что работники редакции за неправильное изложение фактов в этой статье были наказаны.

И начали стелаться в Половцево комиссии. Кто же у нас останется равнодуш-

ным, когда идет речь о загубленных ценных предложениях, притеснениях передовика? Но, приехав в Половцево, убеждаешься, что за громкими словами, которые заполняют ваши письма, нет ничего, кроме желаний добиться во что бы то ни стало прежнего места.

Но скажите, какие основания у отделения дороги держать лишнюю штатную единицу? Разве начальник станции не справляется с возложенными на него обязанностями? Справляется. И вы прекрасно это знаете. Вы пишете, что большая польза будет, если вам разрешат совмещать обязанности уборщицы, весовщика, кассира. Тогда начальник станции сможет поменять дежурного, дежурить ночью. А вот ваши товарищи говорят как раз противоположное: если начальник станций станет подменять ночью дежурного, то он после дежурства должен двое суток отдыхать. А кто же будет маршруты контролировать, за безопасностью движения следить?

Вам всюду видятся «притеснения». А ведь перевод на работу стрелочницы не снизил вашего заработка, наоборот, он стал выше. Посылают вас на дальний пост дежурить, а на ближний ставят прантинкентку — вы рассержены: «Почему меня?» Просят объяснить, почему не проверили маршрут, — вы кричите: «Придири! Это все Кутырев». Лишили однажды нескольких человек премии, вы заметили только одно: лишили вас. Все оцениваете с позиций личных интересов, а о пользе общему делу забываете.

При этом вы считаете себя передовой, говорите всюду: «Я метод гагановский применила, я вон на себя сколько взяла...»

По-вашему, так поступала Гаганова и ее последователи? Да ничего подобного! Они выше всего ставили интересы производства, и люди платили им за это уважением.

А ведь вас на станции не уважают. Татьяна Ивановна. Ни вас, ни вашего мужа, с которым вы сообща пишете жалобы. Это горько, я понимаю, но вы сами виноваты. Вы видели, сколько людей пришло в красный уголок, чтобы поговорить о вашем письме в редакцию. Они уже несколько раз поднимали вопрос о выселении вас из Половцево за дрязги. Сколько людей говорили одни и те же слова: «Когда это все кончится?».

Наверно, многие люди сказали бы вам спасибо, если бы выступали против действительных недостатков, Татьяна Ивановна. Очень хочется, чтобы вы поняли все это. И старались добиться уважения людей не словами о правде, а делами.

Н. АЗЕРСКАЯ

На первой странице обложки: Откровенный разговор. Фотоэтиюд Н. Маторина.

На четвертой странице обложки: Молодость. Картина художницы В. Сорокиной.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки детской одежды.

Главный редактор — В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, К. Ф. ДРОЖЖИНА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Оформление художника Я. Мирошниченко.

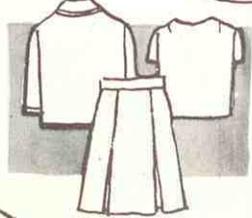
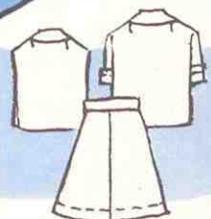
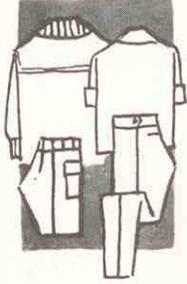
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — А. Шагарина.

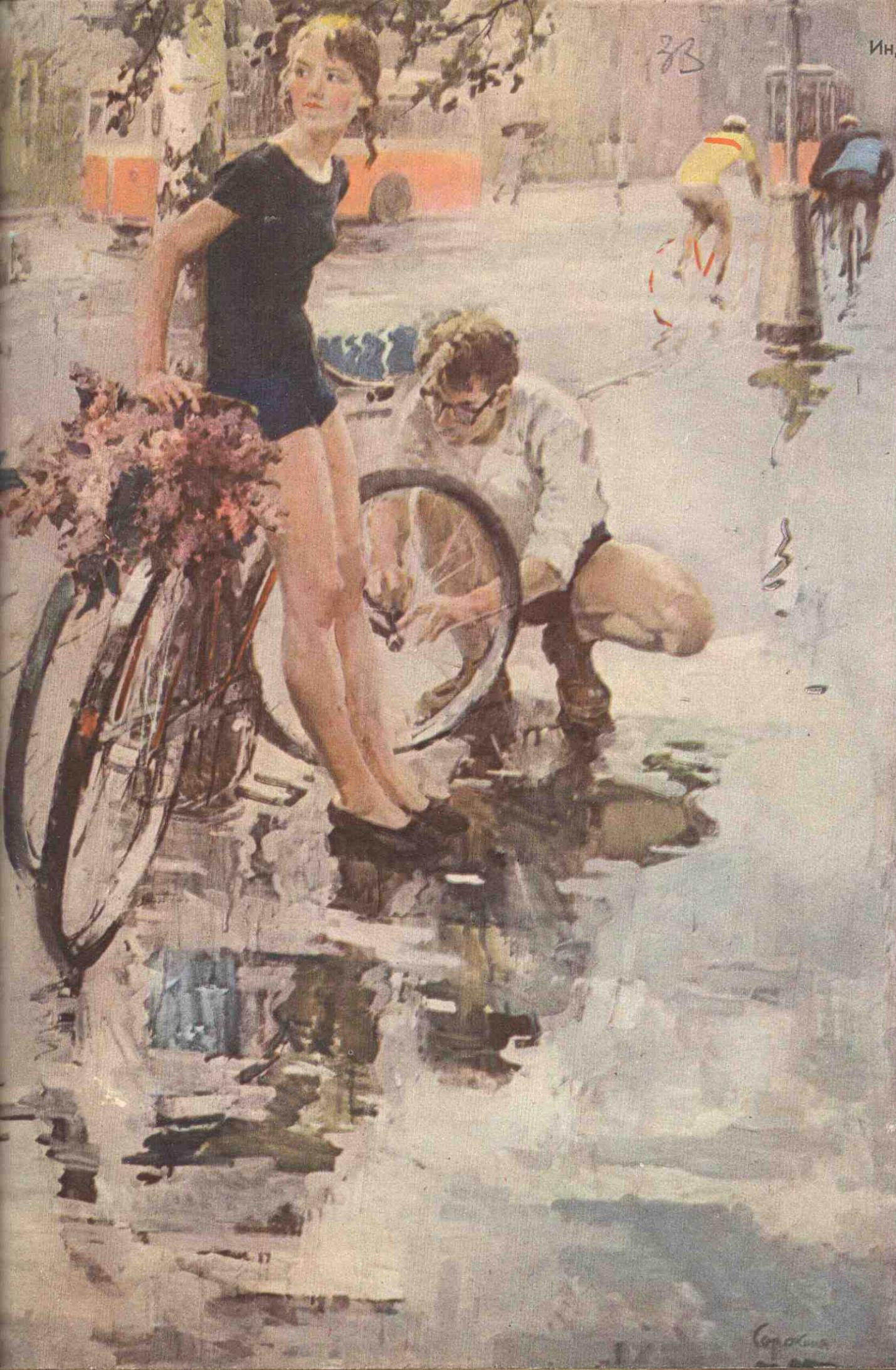
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-34-79, отд. писем — Д 3-34-15.

А 00085. Подписано к печати 11/V 1963 г. Тираж 4 000 000 экз. Зак. № 1158. Изд. № 887. Формат бум. 60×92¹/₂. 2,75 бум. л. — 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

2

Цена номера 10 копеек.

В. СОРОКИНА. МОЛОДОСТЬ.